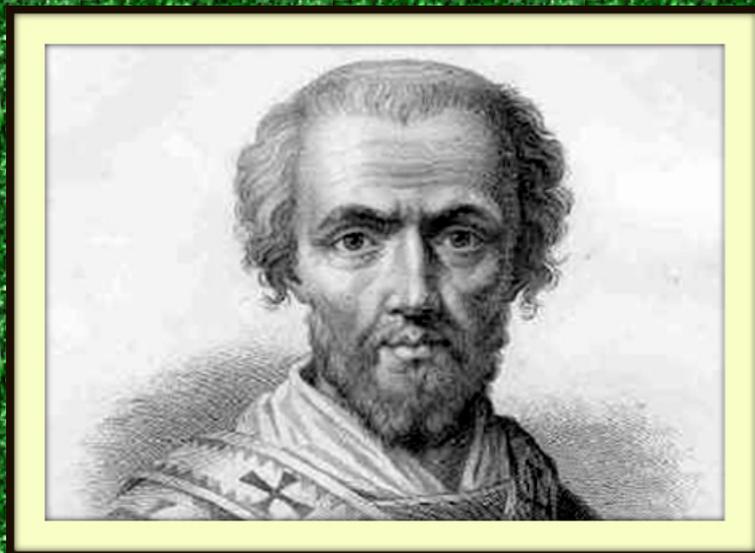

А. Гарматин

Жизнь и философия жизни Иоанна Златоуста

2017

Патриаршее богослужение в праздник Рождества Христова в Храме Христа Спасителя 7 января 2017 г.
Фото: patriarchia.ru

Введение.

В ночь с 6 на 7 января 2017 года, в праздник Рождества Христова Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя в Москве череду рождественских богослужений — великое повечерие, утреню и Божественную литургию Святителя Иоанна Златоуста, который является составителем её нынешнего чина (то есть перечня и содержания молитв). Божественная литургия — самое важное из всех богослужений. Эта служба наложила неповторимый отпечаток на литургическое сознание Православия. Сохранилось предание о том, как незадолго до крещения Руси представители различных религий пытались убедить киевского князя Владимира в превосходстве своей веры. Княжеские послы побывали на богослужениях мусульман, иудеев, христиан-католиков и православных. Особенно их покорила Православная литургия в Константинополе. Вот как согласно «Повести временных лет» они рассказывали о ней своему князю:

«И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького».

Иоанн Златоуст выделялся не только богослужением и своими проповедями, в которых он разъяснял Священное Писание. Он если не заложил, то, во всяком случае, довёл до высочайшего уровня особый стиль беседы с верующими, который отличался ясностью и практичностью, с одной стороны, и возвышенностью, можно даже сказать поэтичностью, с другой стороны. Читать его труды — просто эстетическое удовольствие. К счастью для нас большая часть его проповедей была записана и впоследствии издана. Почти все они были посвящены тому, как жить в соответствии с заповедями Иисуса. Поскольку все люди в Европе, Америке и значительной части Африки в течении сотен лет жили в христианском мире, то независимо от того, являются ли они сейчас христианами или атеистами, мораль и система нравственных ценностей основывается на принципах, сформированных в начале первого тысячелетия на основе Евангелий и посланий апостолов. Поэтому беседы Иоанна Златоуста, его мысли о подлинном счастье, об истинных ценностях жизни, о справедливости и настоящей мудрости совершенно актуальны и в наше время. В этом смысле труды Святителя являются подлинной классикой.

Время, в которое жил Иоанн Златоуст, по праву может считаться золотым веком христианской мысли. Среди наиболее авторитетных деятелей Церкви есть несколько человек, которые выделяются как самые авторитетные. В Православной Церкви их называют Вселенскими Учителями. Это: Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов. В Католической Церкви свой список Учителей. Их называют иногда Докторами Церкви, на латинском языке - doctor ecclesiae. Это Амвросий Медиоланский, Августин Блаженный, Иероним Блаженный и Фома Аквинский. Фома Аквинский жил в 1225-1274 годах и хронологически выпадает из общего списка. Остальные шесть жили примерно в одно время.

Годы жизни Вселенских Учителей Церкви

имя	годы жизни
Григорий Богослов	325-389
Василий Великий	330-379
Амвросий Медиоланский	340-397
Иероним Блаженный	345-420
Иоанн Златоуст	347-407
Августин Блаженный	354-430

Вероятно, это — не просто совпадение, а сочетание ряда благоприятных обстоятельств. В 313 году был издан Миланский эдикт, сделавший христианство официальной религией. Гонения на христиан прекратились. Хотя пик расцвета Римской империи как государства уже прошёл, но в целом всё было ещё стабильно, в том числе и в образовании, где царили греческая литература, греческая логика и греческая риторика. Это было благодатное время свободного и равного существования христианского и эллинского мировоззрений, что и определило появление плеяды выдающихся христианских мыслителей. Сам Иоанн Златоуст обучался у профессора греческой риторики Либания, возможно, лучшего в те времена.

Русский философ Константин Леонтьев считал, что эти времена для Византии (то есть Восточной Римской империи) был периодом, подобном эпохе Возрождения в Европе в XV веке — эпохе многообразного и глубокого культурного развития.

Было ещё одно обстоятельство. Среди христиан хотя и были споры, но инакомыслие не подавлялось. Хотя взгляды пресвитера Ария на Никейском Соборе в 325 году и были осуждены, но его сторонники продолжали активную деятельность. Мало того, даже некоторые императоры были сторонниками Ария, а в Антиохии - родном городе Иоанна Златоуста, значительное количество епископов были арианами. Это свободомыслие закончилось в 451 году на Халкидонском Соборе, после которого началась ожесточённая борьба со всяким инакомыслием, что привело, в итоге, к распаду некогда единой христианской Церкви. Но во второй половине IV века и начале V века ещё была божественная пора свободы и расцвета христианской мысли. Во времена Иоанна Златоуста можно было ещё иметь своё толкование Священного Писания. В более поздние времена никаких обсуждений и изменений не допускалось, всякое инакомыслие жестоко, а порой и жестоко подавлялось. Церковь превратилась в догматическую организацию. Вот пример. Церковь определила, что всё, написанное в Библии, надо понимать буквально. Отсюда и возникло утверждение, что наш земной мир был создан за 6 дней, что, как сейчас известно, не соответствует действительности. Но Иоанн Златоуст ещё в IV веке говорил (Беседы на Книгу Бытия, беседа III):

«Всесильная десница Его и беспредельная премудрость не затруднилась бы создать всё и в один день. И что говорю в один день? Даже в одно мгновение. Но так как Он создал все сущее не для своей пользы... – напротив создал все по человеколюбию и благодати Своей, то и творит по частям, и преподаёт нам ».

То есть описание процесса созидания разбито на части, чтобы нам легче было это понять (по современным представлениям, Вселенная была сформирована в первые три секунды после Большого взрыва).

Большинство руководителей христианской церкви в IV веке имело греческое образование. А поскольку обучение было платное и стоило приличных денег, они были, как правило выходцами из зажиточных семей и принадлежали к элите Римской империи и если бы не избрали стезю священника, могли сделать хорошую карьеру. Это полностью справедливо и относительно Иоанна Златоуста. Глубоко изучив Священное Писание и будучи от природы человеком умным, он сформировал ясное понимание, как должен христианин строить свою жизнь в соответствии с евангельскими принципами. Но быть верующим, это не значит с утра до вечера молиться, каяться и не выходить из церкви. Можно жить как простой мирянин, но соблюдать определённые моральные правила. Примеры такой жизни Иоанн брал из Священного Писания. Смысл значительной части его бесед с прихожанами можно обозначить как философию житейской мудрости. Моральные правила не догма, спущенная сверху, они имеют разумное объяснение. Много столетий спустя те же выводы, что и в проповедях Иоанна можно было встретить у разных людей, например, у Артура Шопенгауера и Эриха Фромма. За 1600 лет, что прошли с тех времён, проблемы людей не изменились: старые не исчезли, новые не прибавились. Появились машины, электричество, мобильная связь, Интернет, но люди привычки, характеры, системы моральных ценностей остались прежними. И мы не стали умнее. Иоанн Златоуст ссылался на примеры из Священного Писания, но говорил о тех же проблемах, что и нынешние философы и психоаналитики.

Жизнь Иоанна Златоуста является, также, примером весьма непростых взаимоотношений Церкви и светской власти. Святейший Патриарх Кирилл на проповеди в апреле 2015 года в Храме Христа Спасителя сказал:

«Даже тогда, когда Церковь внешне пользовалась привилегиями, на самом деле её положение оставалось очень уязвимым, потому что Церковь призвана благовествовать правду Божию, в том числе сильным мира сего. И очень часто в ответ на эту правду Церковь и служители её подвергались гонениям, даже когда правители называли себя православными государями. Наверное, самым ярким тому примером является история Святителя Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, который говорил Божию правду, а правда уязвляла императора и императрицу. Мы знаем, что Великий Святитель и угодник Божий закончил дни свои в ссылке, не перенеся всех тяжестей того наказания, которому его подвергли. Иначе говоря, Церковь никогда не находится в привилегированном положении — уже только потому, что она призвана говорить правду, а правдой этой уязвляются те, кто не живет в соответствии с ней».

К сожалению, Церковь не была свободной организацией. Она решающим образом зависела от воли императора, который созывал Соборы и утверждал его решения, назначал главных церковных иерархов и увольнял их, если они ему перечили (увольнения обычно сопровождались ссылками, а то и похуже). Когда Иоанн Златоуст стал архиепископом Константинопольским, его избрал не совет епископов, а назначил император Аркадий, который же и впоследствии отправил его в ссылку. Когда Миланским Эдиктом император Константин узаконил христианство в Римской империи, он задумал сделать эту религию основной и даже единственной. Церковь должна была выполнять поставленную светской властью задачу формирования единомыслия в огромном государстве. Императору была нужна какая-то одна церковная доктрина, не множество различных толкований. Он не давил на епископов на Никейском Соборе, предоставляя им возможность самим решить свои проблемы. Но когда решение было принято, он его утвердил и оно получило форму закона. То есть вопрос о том, равен ли Бог-Сын Богу-Отцу, или в божественном смысле стоит ниже него, решался криками, спорами и императорским указом.

Лояльность воле императора было условием нормального существования Церкви, которая хотя и понимала, что кесарево - кесарю, но Божие — Богу, вынуждена была приспособляться, встроилась в систему государственного управления и переняла пороки светской власти. Иоанна Златоуста по молодости лет хотели рукоположить в епископы. Он отказался и среди причин указывал и опасение, что если изберут такого молодого, то пойдут слухи о нечестных выборах, то было в обычаях тех времён (и нынешних тоже). Он писал («О священстве, слово III): «Не все смотрят на то, на что единственно нужно бы смотреть - на добродетель души; но бывают и другие побуждения к предоставлению этой чести: например, говорят: такой-то должен быть избран, потому что он происходит из знатного рода; другой – потому, что владеет великим богатством и не будет иметь нужды содержаться на счет церковных доходов; третий – потому, что добровольно перешел к нам от противников наших; и стараются предпочесть другим один своего приятеля, другой – родственника, а иной – даже льстеца; но никто не хочет смотреть на способного и сколько-нибудь узнать душевные качества...Некоторые представляют еще другие безрассуднейшие побуждения: так одни избираются в состав клира из опасения, чтобы не предалась на сторону противников, другие – за свою злобу, чтобы они, будучи обойдены, не сделали много зол». Священники, особенно епископы, обладали огромной властью и авторитетом. У Церкви появилась собственность, то есть богатство. А власть и богатство портят людей, и христианский клир (то есть не мирян) это не миновало. Иоанн Златоуст, став архиепископом Константинопольским, стал бороться со злоупотреблениями, царившими среди епископов, пытался восстановить нормы евангельской жизни. На него ополчились, пошли интриги, в результате он был сослан в далёкую Армению, затем в Абхазию, где и умер от болезней.

В этом смысле проблемы как внутри Церкви и во взаимоотношениях Церкви и власти в наше время те же самые, что и в IV веке. Ничего не изменилось. Просто удивительно: прошло более 1600 лет после смерти Иоанна Златоуста, его проповеди на все сто процентов актуальны и сейчас, а история его жизни и для нашего времени ставит те же вопросы.

Антиохия.

Иоанн Златоуст родился в Антиохии в 347 году. Сейчас это провинциальный город Антакья на юге Турции с населением 145 тысяч человек.

Всего существовало 16 городов с названием Антиохия, но когда говорят «Антиохия», то подразумевают Антиохию на реке Оронт, расположенную в северной Сирии, блестящую столицу Востока, основанную примерно в 300 году до нашей эры Селевком I Никатором, соратником Александра Македонского (Селевк основал много городов, названных в честь его отца Антиоха). Удачно расположенный в плодородной долине реки Оронт город стал быстро развиваться и приобретать вес в качестве центра торговли, которая велась через соседний морской порт Селевкию Пиерию (нынешний Чевлик). Через Антиохию шёл Великий шёлковый путь, а также торговые караваны из Тарса, Алеппо, Дамаска, Вавилона и других крупных городов античности. В 64 году до нашей эры бывшая западная часть территории государства Селевкидов была обращена в римскую провинцию Сирию.

Антиохия с течением времени совместила в себе все преимущества великих центров древнего мира: она была многочисленна по своему населению и широко известна своими науками и искусствами. В Римской империи, начиная со II века, Антиохия была третьим по величине и значению городом после Рима и Александрии, а антиохийская библиотека превосходила столичную. Город славился своим богатством. Главная улица была вымощена мрамором, было много фонтанов, театров, красивых вилл и особняков, почти в каждом доме был водопровод. После постройки Константинополя Антиохия считалась второй столицей Восточной Римской империи.

Антиохия была крупнейшим городом восточного Средиземноморья, её называли столицей Востока. В городе греческая (эллинистическая) цивилизация соседствовала с семитской (иудейской). Это был интернациональный город, населённый многими народами, среди которых выделялись сирийцы и евреи, но большинство составляли греки. Как в Антиохии, так и в остальной Сирии образованные слои общества по-прежнему говорили по-гречески и сохранили греческие нравы и обычаи.

Антиохия лежала на зелёных холмах у подножия горы Сильфий (современное название - Хабиб-Неджар), там, где сходятся Ливанские горы и малоазийский Тавр, в 25 километрах от Средиземного моря и устья реки Оронт, проложившей себе путь к морю через гряду каменистых холмов. Благодаря своему порту, называвшемуся Селевкией, она осуществляла постоянную связь с Западом, в то время как её посещали торговые караваны со всего Ближнего Востока. Городская стена защищала узкий проход, открывавшийся на восток, к Сирийскому нагорью, а сам город был прикрыт скалистыми отрогами горы Сильпий с крепостью на самой вершине, под которой располагалась огромная скала, формой напоминающая безликую человеческую голову. В те времена была распространена легенда, что это голова Харона, перевозящего души мертвых в подземный мир. Сам по себе город был величественным примером искусства архитектурного планирования - сочетанием достижений греческой и римской цивилизаций. Как и все столицы того времени, Антиохия носила на себе отпечаток власти и роскоши - город украшали широкие переходы с колоннадами, дворец императорского легата, храмы, ипподром. Город был известен своими школами философии, медицины и риторики, библиотекой и разного рода публичными увеселительными заведениями: театрами, амфитеатрами, стадионами и банями. Подобно другим эллинистическим городам, Антиохия была разделена надвое широкой, украшенной колоннадами улицей. Это единственный известный нам древний город, имевший регулярную систему уличного освещения. Вокруг центра расстились перенаселённые жилые кварталы. В восьми километрах к югу, в ложбине между холмами находилась знаменитая священная роща Дафны, а над ней возвышалась огромная статуя Аполлона. Жители Антиохии славились живым, неуёмным ха-

рактором. В IV столетии её мужское население составляло 150-200 тысяч. Жители города говорили на греческом языке, но жители сел и деревень в окрестностях Антиохии говорили на сирийском языке (диалект арамейского).

Либаний, прославленный учитель Иоанна Златоуста, так отзывался об Антиохии в трактате «Жизнь или о собственной доле»:

«Пусть посмотрит любой на величину Антиохии, на то, какова она, на какое пространство раскинулась, какие источники её поят, какие зефиры ласкают. И не видав города, можно всё знать о нём по молве. Есть ли какой закоулок материка, моря, куда бы не достигла слава города?».

А в своей речи «Похвала Антиохии» он описывает плодородие местной земли:

«У нас же всё соревнуется одно с другим, почва, влага, благорастворение времен года. Именно, ровная почва, напоминающая морскую поверхность, глубока, жирна и мягка, легко уступает плугам, podatливо превосходит ожидания земледельца, одинаково пригодна для посева, пригодна и для садоводства и хорошо приспособлена к урожаю от того и другого, деревья поднимая в высь в срок, а колосья давая выше, чем у других деревьев».

Там же Либаний описывает прелести Дафны, пригорода Антиохии, и правда, райского места:

«Местность эта так благоприятна для организма, что, если удалишься после недолгой побывки, уйдёшь с более здоровым цветом лица. На вопрос же, чему ты больше всего порадовался, затруднишься ответить. Так всё соревнуется одно с другим. Нет такого сильного, неборимого, упорного недуга, который, не изгнала бы Дафна, но, лишь приблизишься к этому месту, и всё удручающее пропадает. Если боги, действительно покинув небо, сходят на землю, мне кажется, они здесь пребывают и заседают со смертными, так как лучшего для них местопребывания и не могло бы быть».

Согласно легенде Дафна была дочь реки Ладоны. Как-то эту красавицу увидел Аполлон, почувствовал страсть к ней и преисполненный чувств погнался за девушкой, чтобы схватить, а она побежала и, добежав до этого предместья, остановилась. Мать защитила её от такого оскорбления, открыла тотчас свои объятия и приняла девицу, а вместо неё произвела соимённое ей растение. Неудачный любовник, потеряв предмет любви, стал обнимать дерево, присвоил себе и растение и место, сидел потом постоянно в этой местности и полюбил его и пристрастился к нему более всех мест на земле, а потом тогдашний царь повелел построить для него храм и жертвенник.

В 115 году Антиохия пережила страшное землетрясение силой 7,5 балла. Римский консул греческого происхождения Дион Кассий (155-235 г.) в своей «Римской истории» нарисовал яркую картину разрушений, свидетелем которых он стал: «В то время, когда император (Траян) находился в Антиохии, произошло страшное землетрясение; при этом пострадали многие города, но наибольшее бедствие выпало на долю Антиохии. Так как Траян проводил здесь зиму и сюда отовсюду в большом количестве собрались и воины, и частные лица, прибывшие кто по судебным и торговым делам, кто с посольствами и ради развлечения, не было ни одного народа и ни одной общины, которые не понесли бы потерь, так что в Антиохии весь мир, находящийся под властью римлян, стал жертвой этого несчастья. Бушевали мощные грозы и дули чудовищные ветры, но никто не мог даже предположить, что они повлекут за собой столь огромные беды. Вначале неожиданно прогремел жуткий гром, за ним последовало сильное сотрясение, вздыбилась вся земля, строения взлетели вверх, одни из них, поднятые на воздух, сразу обрушились и разбились на куски, другие же рушились, колеблемые в разные стороны, словно во время морской качки, и их обломки далеко разлетались на открытые места. Стоял ужасающий грохот трескающихся и ломающихся бревен, черепицы и камней; и взметнулись столь огромные тучи пыли, что невозможно было ни увидеть ничего и ни сказать, ни услышать ни слова. Пострадало множество людей, даже тех, кто находился вне домов: их трясло и с силой подбрасывало вверх, и они ударялись о землю, словно падая с утеса; одни получали увечья, другие погибали. Даже некоторые деревья выбрасывало вверх вместе с корнями. Число же тех, кто погиб, оказавшись погребённым в домах, невозможно подсчитать, ибо многие были убиты самим обрушением обломков, великое же множество задохнулись под развалинами. Ужасные страдания претерпели те, кто был частично погребен под обрушившимися камнями и бревнами и не мог ни выжить, ни принять мгновенную

смерть. Тем не менее и из них, учитывая их многочисленность, было спасено немало, но далеко не все они выбрались невредимыми. Многие ведь лишились ног или рук, у некоторых были разбиты головы, другие истекли кровью; одним из них был консул Педон, который тут же скончался. Говоря в целом, не было вообще такого вида страдания, которого не претерпели бы тогда эти люди. И поскольку божество продолжало сотрясать землю на протяжении многих дней и ночей, люди оставались без средств к существованию и без помощи, одни из них погибали под тяжестью рухнувших зданий, другие - от голода, даже если им удавалось уцелеть в каком-нибудь небольшом пространстве, образовавшемся среди завалов балок или под сводами арочных колоннад. Когда же наконец бедствие прекратилось, некий человек, отважившийся взобраться на руины, обнаружил еще живую женщину. Она была не одна, но имела при себе младенца и выжила благодаря тому, что и сама питалась, и дитя кормила собственным молоком. Её вместе с ребенком извлекли из-под завалов и вернули к жизни, а затем обследовали и другие груды развалин, но не смогли найти в них никого, кто был бы еще жив, за исключением одного ребенка, который сосал грудь своей уже умершей матери. Извлекая же мертвые тела, они уже не могли больше радоваться собственному спасению. Такое вот великое бедствие обрушилось тогда на Антиохию. Траян же выбрался через окно комнаты, в которой находился, с помощью одного человека исключительно мощного телосложения, который и вывел его наружу, так что он получил только несколько легких повреждений, и, так как землетрясение продолжалось в течение многих дней, он жил под открытым небом на ипподроме. Даже сама гора Касия сотряслась настолько мощно, что казалось, будто ее вершины закачались и вот-вот оторвутся, чтобы обрушиться на город. Другие горы также осели, и появились многие источники, которых раньше не существовало, а те, что текли прежде, исчезли».

Помимо Антиохии, землетрясение разрушило город Апамею, сильные повреждения получил Бейрут. Кроме наземных разрушений, землетрясение вызвало цунами, которое затопило ливанское побережье и почти разрушило гавань в Кесарии Приморской. Считается, что в общей сложности во время этого события и от его последствий умерло 260 000 человек.

Уцелевшие антиохийцы построили храм в Дафне, на котором они написали "Те, которые были спасены, возвели это Зевсу Спасителю".

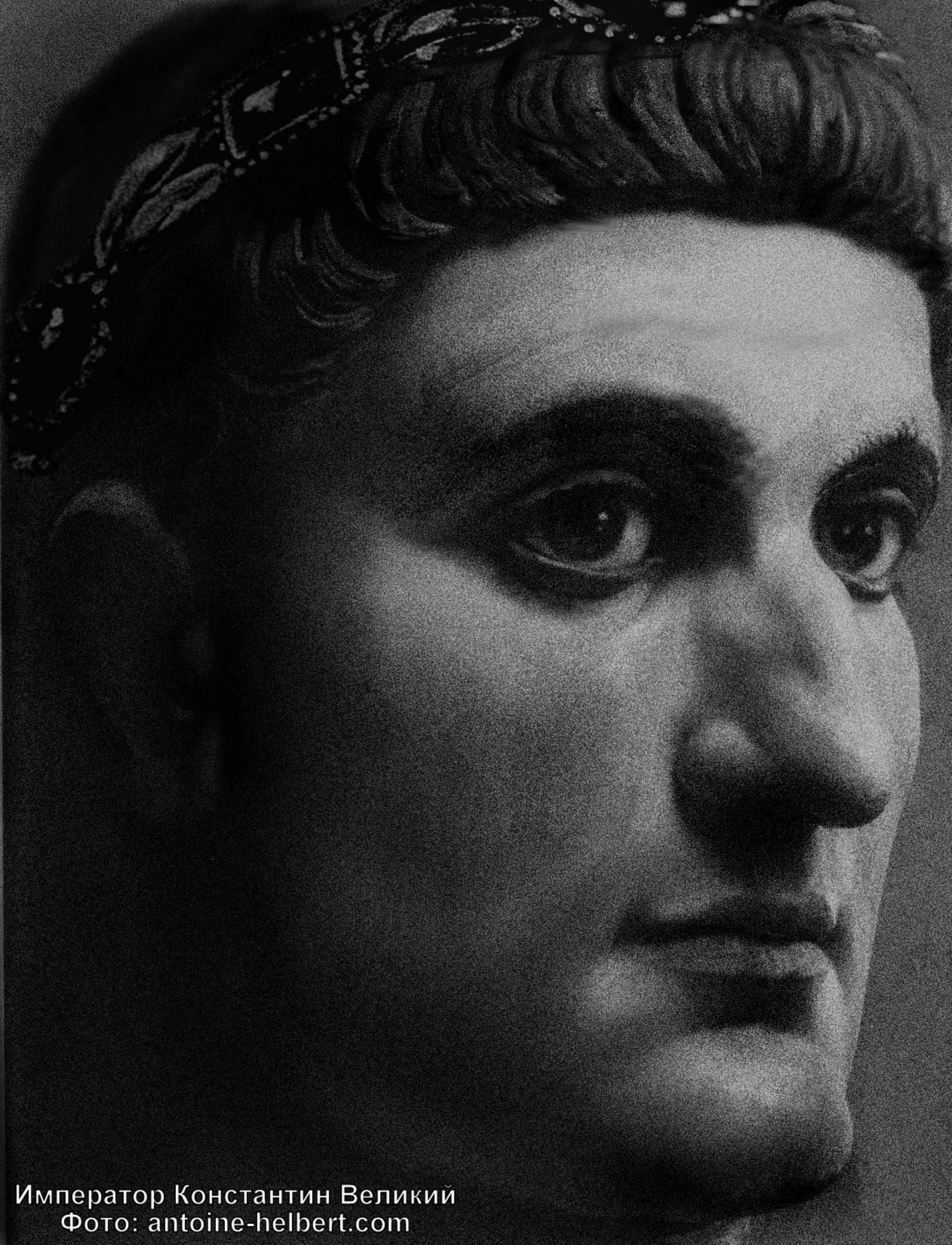
Антиохия была либеральным и веротерпимым городом, и потому, в начале I века множество христиан, спасаясь от гонений, прибывали сюда. Город стал первым центром христианства за пределами Палестины, то есть вторым христианским центром после Иерусалима. Антиохийскую Церковь основали апостолы Павел и Варнава в 37 году. Антиохия была одним из важных центров язычества, но ещё при жизни апостолов в ней появилась христианская община. Первым антиохийским епископом был апостол Пётр в 45-53 годах. Вследствие разноплеменности его жителей город стал удобным пунктом для распространения новой религии, так что Антиохия может считаться матерью церквей в языческом мире. Первые три столетия нашей эры Антиохийская Церковь была территориально самой большой в христианском мире, а Сирия была одним из центров христианства. Именно в Антиохии последователей Иисуса стали называть христианами. Тесное соприкосновение христиан с людьми языческого (то есть - эллинского) и иудаистского образа мыслей, вызывавшее постоянные столкновения и споры между ними, побуждало христиан к точному и всестороннему постижению учения, принесённого человечеству Иисусом. В свою очередь интересы самозащиты и полемики требовали от христиан основательного ознакомления с религиозными верованиями и научными взглядами своих противников. Если добавить сюда возможность скорого приобретения основательных филологических познаний из непосредственного сношения с разноязычными жителями города, близость священных мест, свежесть библейских преданий — то будет понятно, почему из Антиохии выходили великие христианские учёные, блестящие церковные ораторы и строгие подвижники.

На Первом Вселенском соборе (Никея, 325 г.) была подтверждена древняя традиция, в соответствии с которой епископ Антиохийский провозглашался главенствующим епископом в своём округе. Тогда под юрисдикцией Антиохии находились: Сирия, Финикия, Палестина,

Аравия, Киликия, Кипр, и Месопотамия. Начиная с первых веков христианства Антиохийская кафедра занимала третье место после Рима и Александрии. Предстоятель Антиохийской Церкви первоначально назывался епископом и лишь на Четвертом Вселенском (Халкидонском) Соборе (451 г.) ему был предоставлен титул Патриарха. Этот же Собор определил также отдельную юрисдикцию для Иерусалимской Церкви, которая долгое время оставалась малозначительной кафедрой в составе одной из епархий Антиохийской Церкви. Таким образом, окончательно установились географические границы Антиохийской Церкви: в её юрисдикции находились 12 римских провинций, соответствующие современным территориям Сирии, Ливана, Юго-Восточной Турции, Ирака и Аравийского полуострова. В Антиохии зародилась одна из самых влиятельных школ богословия.

Апостол Павел начиная с 34 года жил в Антиохии и отсюда начинал свои знаменитые миссионерские путешествия. В Антиохии родился Лука, который написал одно из Евангелий, которое он составил, по его свидетельству, «как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова», а также «Деяния Апостолов», которые он составил не по рассказам, а как очевидец. Вполне возможно, что и Евангелие от Матфея было написано в Антиохии.

Стоит пояснить, каково было положение христианства к моменту рождения Иоанна Златоуста. Положение было неустойчивое.

Император Константин Великий
Фото: antoine-helbert.com

Константин I Великий. Христианство становится официальной религией.

Часто говорят, что император Константин сделал христианство государственной религией. Это не совсем точно. Он её сделал не государственной, а официальной религией, причём, одной из многих. И здесь есть разница.

Стоит отметить, что на тот момент в Римской империи было два императора и оба на законных основаниях. Ещё в 293 году Диоклетиан решил поделить императорскую власть на четыре части. При этом два правителя - в том числе и сам Диоклетиан - получили титул августа, то есть верховного императора, двое других получили титул цезарей — заместителей и приемников августов (что-то вроде младших императоров). Империя делилась на четыре префектуры: Восточную, Иллирийскую, Галльскую и Италийскую. Восточная часть империи состояла из двух префектур: Восточной и Иллирийской (Иллирия — это примерно где сейчас Хорватия, Черногория и Румыния). Остальные две префектуры: Галльская и Италийская относились к западной части империи. Восточная и Италийская префектуры были более важны, и в них правили августы, в Галльской и Иллирийской — цезари.

В течение трёх столетий христиане подвергались гонениям, но при императоре Константине I Великом их положение изменилось. В 313 году два соправителя Римской империи Константин и его товарищ Лициний в городе Медиолане (нынешний Милан) подписали эдикт, обеспечивающий христианству полное признание на всей территории империи. Миланский эдикт (или Медиоланский эдикт) был адресован правителям римских провинций. Его текст привёл живший в 263-340 годах историк Евсевий Кесарийский в «Церковной истории»:

«Я, Константин август, и я, Лициний август, благополучно прибыли в Медиолан и обсуждали всё, что относится к общей пользе и благополучию, то среди прочего, что сочли мы во многих отношениях полезным для всех, решили прежде всего издать постановление, которое поддерживало бы страх Божий и благоговение, то есть даровать и христианам, и всем свободно, по своему собственному желанию выбирать веру, дабы небесное Божество, как бы Его ни называли, относилось благосклонно и к нам, и к подданным нашим.

Итак, руководствуясь здравым и правым смыслом, мы объявляем следующее наше решение: никому не запрещается свободно избирать и соблюдать христианскую веру и каждому даруется свобода обратить свою мысль к той вере, которая, по его мнению, ему подходит, дабы Божество ниспосылало нам во всех случаях скорую помощь и всякое благо.

Угодно нам совершенно отменить посланные прежде твоему благочестию распоряжения относительно христиан, весьма нелепые и несовместимые с нашей кротостью. Отныне всякий, свободно и просто выбравший христианскую веру, может соблюдать её без какой бы то ни было помехи.

Мы решили обстоятельно изъяснить это твоей попечительности, дабы ты знал, что мы даровали христианам полное право совершать богослужение.

Поскольку же им даруется неограниченная свобода, то твоей чести должно быть понятно, что дается свобода и другим, по желанию, соблюдать свою веру, что и соответствует нашему мирному времени: пусть каждый свободно, по своему желанию избирает себе веру. Так определено нами, дабы не казалось, будто мы умаляем достоинство какой-либо веры».

Существенным в эдикте было не только прекращение гонений на христиан, но и признание всех религий Римской империи равными в правах. Таким образом, Миланский эдикт провозгласил свободу вероисповедания, позволяя людям самим выбирать, каким богам молиться. (Надо признать, что впоследствии эту часть эдикта о свободе вероисповедания христианство в Европе на многие столетия отвергло, не признавая никакой другой веры, кроме католической). Преследования христиан прекратились, и в этом большая заслуга Константина. Сам император не менял вероисповедания. Он до самой смерти оставался «великим понтификом», верховным жрецом государственного культа Рима и противился крещению вплоть до

336 года, когда понял, что умирает. Константин сделал христианство официальной религией, но что самое важное, не единственной, а одной из официальных. В Миланском эдикте впервые на законодательном уровне признаётся принцип религиозной терпимости. Почему Константину, в отличие от своих предшественников, показалось разумным не стеснять чужих верований? Его мотивы имеют совершенно религиозный характер. Он хочет, чтобы почитали всех богов, дабы не нажить себе среди них врагов. Он надеется, что если ни у кого из них не будет повода к неудовольствию, то все они соединятся, чтобы обеспечить счастье государства, которое к ним так хорошо относится. Константин, утверждая данный эдикт, выступает не как философ, возвращающий людям их священное право свободы свести и не как политик, заботящийся о спокойствии в своей империи, а как набожный человек, который думает расположить к себе всех богов терпимостью ко всем культам.

Для нас этот император примечателен ещё и тем, что в 321 году он издал самый знаменитый свой эдикт, объявлявший воскресенье - «почётный день солнца» - днём отдыха. У иудеев таковым днём была суббота. В толерантной России отдыхают оба дня.

Термин религия означает психическую зависимость человека от божественных сил, с которыми он должен всю жизнь находиться в согласии и полностью им подчиняться, а также его внимательное отношение к проявлению воли богов и скрупулезное выполнение всех обрядов, что давало ему возможность укреплять свои отношения с богами. Римляне были прагматиками и не любили размышлять о будущем. Их связь с религией была формальной. Они как бы заключили личный договор с высшими силами, в соответствии с которым одна из сторон обращалась к богам за советом, а другая обеспечивала защиту и способствовала успеху. Так и возникал «мир с богами». Будучи по натуре беспокойными, римляне в каждый момент своего существования нуждались в поддержке и одобрении. Уверенность в благорасположении богов придавала им силу и мужество. Религия была делом каждого, священники руководили обществом граждан и назначали исправительные меры, если вдруг этот порядок нарушался. Практичное мировоззрение римлян уподобляло веру юридически закреплённому акту. Религия древних римлян, первоначально основанная на достижении гармонии с природными силами, впоследствии обогатилась италийскими, этрусскими и греческими влияниями, которые и придали ей те характерные черты, которыми она обладала до 3 века до н.э. Вторая Пуническая война и проникновение в Рим восточных мистических культов спровоцировали глубокий религиозный кризис, усугубившийся из-за столкновения с греческой философией. К концу республики и ещё более в период империи, несмотря на усилия императора Августа реставрировать старую, римскую, религию, она перестала удовлетворять римлян, образ мышления которых изменился. Религиозные течения, обещавшие спасение и вечную жизнь получали всё большее распространение, потому что соответствовали новому мировоззрению. В этих условиях и начало развиваться христианство.

До Константина римский император был верховным жрецом греко-римского религиозного культа. В этом качестве он наблюдал за исполнением всех обрядов, и так как в то время не было в гражданской или политической жизни ни одного акта, который не сопровождался бы религиозной церемонией, то его власть простиралась всюду. Сделавшись христианином, Константин не отказался от этого права и сохранил за собой титул верховного жреца, что облегчено ему было тем, что крестился только за месяц перед смертью. Принимая новую религию, он продолжил многовековую традицию: император есть верховный священник и вероучитель, поскольку в нём самом живёт божественное начало. Отсюда общая уверенность, что в делах культа монарх наиболее компетентен, ибо он сам есть особого рода бог. Начиная с Константина в Римской империи, а затем и в её восточной части, получившей впоследствии наименование Византийской, сложилась доктрина, что император обладает епископским достоинством, назначает и судит высших церковных иерархов и имеет полную власть над Церковью. Императоры устанавливали вероучение по своему усмотрению, вмешивались во все мелочи церковной жизни, распоряжались церковными кафедрами, превращали или пытались превратить архиепископов и патриархов в покорных чиновников. Эта

традиция впоследствии перешла и в Россию, которая после падения Константинополя воспринимала себя в качестве наследника Византийской империи.

В новой религии Константин видел то, каким должны стать римляне, объединённые верностью чему-то большему, чем их народные обычаи, но им не противоречащим. Римская империя давала людям двойное гражданство: римское и «другое», но центробежная сила этого «другого» была столь сильна, что границы империи едва сдерживали этот напор. Практически невозможно быть одновременно, например, римлянином и готом. Христианином же можно быть, сохраняя своё национальное самосознание. Христианин мог быть и греком, и латинянином, и рабом и свободным человеком. Христианство началось как религия без политической родины. Книги Нового Завета были написаны на греческом, но ведь все первые апостолы были евреи и говорили большей частью на арамейском языке, который был разговорным языком Иудеи времён Иисуса. Апостол Павел, внёсший решающий вклад в распространения учения Христа среди язычников (так называли всех неиудеев) был человеком одновременно и иудейской и эллинской культуры, да к тому же римским гражданином.

Но Константин I столкнулся с опасной проблемой: церковными разногласиями. Если церкви суждено выступить в качестве духовной основы империи, то как она может быть разделена? Причина разногласий — в разном толковании событий, описанных в Новом Завете. Иисус называл себя сыном Бога, совершал чудеса и после смерти воскрес. При этом зачат он был не обычным путём: вместо мужчины был Святой Дух. До тридцати лет он вёл жизнь обычного человека, а затем начал проповедовать. Период его активной проповеднической жизни был короткий, около трёх лет, и многое о нём осталось неясным, и появились разные суждения о том, кто был Иисус. Во-первых, возможно это был Бог, принявший облик человека. Во-вторых, это мог быть человек, получивший Божий дар. В-третьих, это был одновременно и Бог и человек. Большинство верило в то, что Иисус был человеком, но в то же время Богом, одним из трёх лиц Троицы: Бог-Отец, Бог-Сын и Святой Дух.

Но были и другие точки зрения. Эта группа объединилась вокруг пресвитера Ария Александрийского. По описанию, это был высокий, тощий человек, с нависшими бровями, суровый по натуре, обладавший значительной учёностью, незаурядными умственными способностями и мягкой, заманчивой речью, отличавшийся сварливым характером, и при этом был безупречной нравственности. Его учение состояло в следующем. Иисус Христос был создан Богом-Отцом как инструмент для спасения мира. То есть Сын находился в подчинённом положении к Отцу и его природа была скорее человеческая, чем божественная. Поскольку Отец сотворил его в определённый момент, мы не можем считать Иисуса в равной мере божественным. Таким образом, Арий отрицал Троичность Бога. Он считал себя «строгим монотеистом» и называл «Богом» только и исключительно Бога-Отца, а Бога-Сына и Святого Духа провозглашал тварями, то есть созданными. Арий говорил:

"Было время когда Сына Божия не было. Он сотворен из несуществующего, а отнюдь не рожден из сущности Отца. Рожден во времени, а не от вечности, не как истинный Бог от Бога истинного, но сотворен из ничего. Он ниже Отца и по природе и воле изменяем".

За такие взгляды в 320 году Арий был отлучён от Церкви. Но следует отметить, что в те времена, в отличие от нынешних, богословские споры вызывали неподдельный интерес не только в среде духовенства и учёных, но и во всём обществе. На городских улицах раздавали листовки, на рыночных площадях произносились подстрекательские речи, на стенах зданий мелом писались разного рода призывы и лозунги. В результате учение Ария начало распространяться по империи со сверхъестественной скоростью. Сам Арий начал жаловаться в разные инстанции и нашёл поддержку у большого числа епископов. Раскол нарастал.

Константин нашёл решение этой проблемы. Он решил, что вместо синодов (собраний) епископов будет Вселенский Церковный собор. Собор будет обладать такой мерой власти, что все, в том числе и Арий примут его решения. Особо стоит отметить, что Собор созвал император, а не христианские епископы, которые самостоятельно не могли прийти к общему мнению.

Епископы со всех стран с готовностью поспешили в Никею. Все издержки их путешествия и пребывания в Никее принимал на себя император. По дорогам были для них приготовлены

переменные лошади. Прибыли епископы из Египта и Палестины, из Сирии и Месопотамии, из Африки, из областей Малой Азии, из Греции, из Персии, из Армении, Мизии и Дакии, от задунайских готов, недавно обращенных в христианство. Их сопровождали и другие духовные лица, пресвитеры и диаконы. Народу было много, в подавляющем числе с Востока. Число представителей Запада было небольшим, поскольку там учение Ария не вызывало особого интереса (но в VI веке готы и лангобарды, исповедующие арианство, правили большей частью Европы).

Собор открылся 19 мая 325 года в Никее, расположенной в 130 километрах от Константинополя. Всего присутствовавших с пресвитерами и диаконами было более 2000 человек, епископов было 318.

Споры были жаркие и упорные. Тщетно Константин пытался употребить всё своё влияние, чтобы привести спорящих к согласию, но чем долее продолжались прения, тем очевиднее становилось, сколь далеки стороны друг от друга. Но императору всё-таки удалось добиться согласия. Он предложил вставить в Символ веры (краткое изложение основ христианской веры, состоящее из двенадцати непреложных истин), который должен был принять Собор, ключевое слово «единосущный», описывающее отношение Сына с Отцом, что являлось, по сути, осуждением арианства. Со свойственным ему хитроумием Константин при этом указал, что данное слово следовало интерпретировать лишь в «его божественном и мистическом смысле» - иначе говоря, оно могло значить то, что каждый пожелал бы в него вложить. В результате почти все сторонники Ария согласились подписать окончательный документ. Ария с его приверженцами формально осудили, его писания подвергли анафеме, самого сослали в Иллирию.

Для Константина Собор окончился полным триумфом. Все основные решения были сформулированы в желательном для него виде. Одобрение епископов было почти единодушным. Императору удалось осуществить союз Восточной и Западной Церквей и обеспечить в нём моральное верховенство. Когда пришло время епископам разъезжаться, то каждый увёз с собой подарок, вручённый ему лично Константином. На них это произвело глубокое впечатление.

Когда христиане были гонимыми, они выступали за свободу совести, за право на существование любой веры. Получив государственную поддержку, Церковь поменяла свою позицию. Началась борьба с языческой, то есть римской и греческой верой. Мало того, даже в самой Церкви подавлялось всякое инакомыслие.

Свобода вероисповедания почему-то негативно сказывалась на нравственности христиан. Вот как это описывает Евсевий Кесарийский («Церковная история», VIII,1):

«И вот эта полная свобода изменила течение наших дел: всё пошло кое-как, само по себе, мы стали завидовать друг другу, осыпать друг друга оскорблениями и только что, при случае, не хвататься за оружие; предстоятели Церквей – ломать друг о друга словесные копья, миряне восставать на мирян; невыразимые лицемерие и притворство дошли до предела гнусности. Божий суд, по обыкновению, щадил нас (собрания ещё устраивались) и направлял нас, без крайних мер, к кротости. Словно лишившись всякого разумения, мы не беспокоились о том, как нам умилоустивить Бога; будто безбожники, полагая, что дела наши не являются предметом заботы и попечения, творили мы зло за злом, а наши мнимые пастыри, отбросив заповедь благочестия, со всем пылом и неистовством ввязывались в ссоры друг с другом, умножали только одно – зависть, взаимную вражду и ненависть, раздоры и угрозы, к власти стремились так же жадно, как и к тирании тираны».

На первый взгляд богословские тонкости, столь остро обсуждаемые в IV веке, имеют лишь исторический интерес. Но если учесть, что деятельность христианской Церкви оказала решающую роль на формирование современной цивилизации, то следует признать, эта цивилизация могла иметь другой вид, если бы идеи Ария стали официальной доктриной. Вот пример рассуждения обычного верующего. В кого верят христиане? Ясно, в Иисуса Христа. К нему обращаются с молитвами, от него ждут защиты и указаний, он и наказывает за грехи. Мало того, именно он направляет души умерших в рай или в ад, а этот момент для многих - самое существенное. Но при этом Бог, который создал Вселенную и самого человека, оказывается как бы в стороне. У иудеев Завет (Ветхий) с Богом, у христиан — с Его Сыном Иисусом (Но-

Первый Вселенский Собор в Никее. 325 г.
Фото: byzclub.ru

вый Завет). А из теории Ария следует, что Сын ниже Отца, да к тому же, получается, что существует два бога. Противники же Ария утверждали, что Сын и Отец равносущны, поэтому обращаться к Господу (Иисусу) то же самое, что обратиться к самому Богу (Отцу), и Бог — один.

Вскоре после Вселенского Собора император Константин понял, что несмотря на всё то, что он сделал для единения христианской Церкви, она по прежнему оставалась расколотовой, и большая часть вины за это лежала на самих христианских иерархах. Многие из них собственной жизнью доказали, что за веру готовы пойти в ссылку или даже на муки. Однако своими вечными спорами, фанатизмом и нетерпимостью христианские лидеры подавали весьма плохой пример для подражания пастве. И следует признать, что бесчисленные поколения их приемников в этом смысле мало чему научились.

Ссылка Ария продолжалась недолго. Ариане постепенно усиливали свои позиции при дворе и вскоре стали всесильными с учётом того, что на Константина сильное влияние оказывала его сводная сестра Констанция, сторонница Ария.

Константин и в буквальном и переносном смысле строил христианскую империю. Он начал с переноса столицы этой империи в построенный на месте старого Византия новый город, получивший в 330 году императорским эдиктом название Новый Рим, но в течении следующих столетий известный более как Константинополь. Причин для такого переноса было несколько. Константин всё больше понимал, что республиканские и языческие традиции явно не вписывались в образ новой христианской империи. В интеллектуальном и культурном плане Рим всё менее соприкасался с новым мышлением эллинистического мира. Вспомните достижения греков в философии, механике, физике, геометрии, арифметике, этике, риторике, скульптуре, литературе, театре. А что внесли римляне в мировую цивилизацию? Только лишь принципы государственного устройства и законодательную систему. В сравнении с греками практически ничего. Во времена императора Константина I Великого столичные римские библиотеки не могли состязаться более с александрийскими и антиохийскими. Экономическое значение Апеннинского полуострова также неуклонно падало, поскольку природные и человеческие ресурсы на Востоке были несравненно выше.

Была ещё одна причина для переноса столицы. В годы правления Диоклетиана и его приемника, Константина, власть императоров приобрела абсолютный характер, а с признанием христианства ещё более укрепилось представление о божественности этой власти. Игравший ранее огромную роль в политической жизни Римской империи сенат практически утратил своё значение. Все эти перемены не могли не вызвать недовольства части знати в столице. Потому Константин решил увенчать свою реформаторскую созданием нового административного центра подальше от Рима, где так сильны были постоянные усобицы в борьбе за императорский престол. В XVIII сходные мотивы были у русского царя Петра Великого, основавшего новую столицу на берегах Балтийского моря.

В стратегическом отношении недостатки старой столицы были ещё более серьёзными. Основные опасности для империи, формировавшие её политические приоритеты, ныне концентрировались у её восточных границ: сарматы вдоль нижнего течения Дуная, остготы к северу от Чёрного моря и самая главная проблема — персы, чья великая империя Сасанидов к тому времени протянулась от Армении до гор Гиндукуша в современном Афганистане. Центр Римской империи — а по сути, всего цивилизованного мира — на многие столетия сместился на Восток. Италия стала тихой заводью.

С переносом столицы в Константинополь Римская империя начала явственно делиться на две части: Западную и Восточную. В 476 году варварский полководец Одоакр сместил с престола последнего императора — ещё ребёнка Ромула и Западная Римская империя прекратила своё существование. Но Восточная империя продолжала существовать, постепенно обретая свои особенные качества. Латинский мир уступает место греческому, мир интеллекта — миру духа, при этом классическая культурная традиция оставалась не разрушенной.

Западная цивилизация всегда с пренебрежением относилась к Восточной Римской империи то есть к Византийской. А ведь не будь этого великого бастиона христианства, то что ждало

бы Европу в столкновении с персидскими армиями в VII веке или арабскими в VIII веке? На каком языке говорили бы мы сегодня и какому бы богу молились? А какая бы у нас сейчас была бы наука и культура? После варварских нашествий и падения Рима свет учёности был почти полностью погашен в Европе за исключением редких очагов в монастырях. А на берегу Босфора он продолжал сиять, и древнее классическое наследие там сохранялось. Большая часть того, что мы знаем об античности была бы навсегда утрачена, если бы не учёные и переписчики Византийской империи.

Культурное превосходство Востока над Западом сказалось и на качестве богословия. Практически все Отцы Церкви, чьи труды окончательно сформировали христианскую доктрину были выходцами из восточной части Римской империи.

Константинополь изначально строился как город для христиан. Многие языческие храмы превращались в христианские церкви, либо в общественные здания. Центральным местом города стал Милион, или Первый Могильный Камень. Он состоял из четырёх триумфальных арок, образующих площадь, которую венчал купол, на котором установлена самая почитаемая христианская религия — Честной Крест Господен, привезённый императрицей Еленой (матерью Константина) из Иерусалима. От Милиона, то есть от Креста отмеривались все расстояния в империи: по сути это был центр мира.

Правда, Константин не препятствовал деятельности жрецов. Во всяком случае в этот период в Константинополе ещё сохранялись языческие храмы, среди которых выделялся внушительный храм Фортуны. Примечательно, что и в закладке города, и в торжественной церемонии его освящения участвовали не только христианское руководство, но и представители языческих греческих коллегий. В те годы язычество всё ещё имело определённое влияние на часть населения города, да и сам Константин далеко не сразу порвал с традициями старой веры.

Новый город Константин посвятил Деве Марии. Он повелел воздвигнуть в её честь стелу из красного порфира на белом мраморном пьедестале. Этот памятник император чтит особо, и проезжая мимо него, всегда сходил с коня и приказывал делать то же самое своей свите.

Однако положение христианства было во времена Константина ещё шатким. Император разрешил, император мог и запретить. Что и произошло.

Император Юлиан Отступник. Попытка вернуть язычество.

Несмотря на благие меры императора Константина в пользу Церкви, язычество еще было сильно в Римской империи. Сыновья Константина – императоры Константин II, Констант и Констанций II (Констанций I был отец Константина I) не имели его такта и искусства в управлении империей и раздражали языческую партию. Язычники успели подготовиться к борьбе с христианством и нашли себе орудие и руководителя в лице императора Юлиана.

В 361 году, когда Иоанну Златоусту было 14 лет, императором стал Флавий Клавдий Юлиан, более известный последующим поколениям как Юлиан Отступник. Он был племянником императора Константина I Великого. В 12 лет, получив разрешение серьёзно заниматься науками, будущий август в течение шести лет путешествовал по всему греческому миру, переходя от одной философской школы к другой, слушая величайших мыслителей, учёных и риториков своего времени. Из числа непосредственных учителей Юлиана более всего привлекал Либаний, который отвергал христианство и оставался гордым язычником, открыто проповедовавшим свою веру. По странной причуде судьбы учениками Либания являются все трое Вселенских Учителей и Святителей — самых авторитетных Отцов Православной Церкви: Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов, причём двое последних учились вместе с Юлианом в Афинской академии в 355 году.

В раннем детстве Юлиан получил христианское воспитание под руководством Евсевия, епископа вначале Никомедии а затем и Константинополя. Но постепенно он стал отдавать предпочтение богам античности, хотя пройдёт ещё десять лет, прежде чем открыто признается в своём вероисповедании. Совершенно лишённый властных амбиций, Юлиан мечтал только о том, чтобы остаться в Афинах с его учителями и его книгами. Но человек предполагает, а император располагает. В 355 году Констанций II провозгласил Юлиана цезарем и женил на своей сестре Елене. Свою неприязнь к свалившемуся на него почестям Юлиан так описывает в письме «К совету и народу афинскому»:

«Вскоре меня облекли званием и плащом цезаря. О, боги, какое рабство, какой страх и угроза, ежедневно висящая над головой! Двери на засовах, стража у ворот, руки моих рабов под строгим надзором, как бы ко мне не проскочила записочка от моих друзей. Прислужники все чужие; лишь с трудом удалось сохранить при дворе четырех моих собственных рабов, двух маленьких мальчишек и двух постарше, для личных услуг; один из них знал о моей вере в богов и тайком, насколько мог, участвовал в совершении обрядов. Мои книги я поручил охране одного врача, единственного, кто остался при мне из стольких верных товарищей и друзей; его дружба со мной была сохранена в тайне и ему даже разрешили сопроводить меня. Я так боялся всего и стал таким робким, что многим из моих друзей, желавшим навестить меня, я, против моей воли, запретил ко мне приходить; мне очень хотелось видеть их, но я опасался сделаться виновником бедствий для них».

Вскоре молодого цезаря отправляют командовать армией в Галлию, где шла тяжёлая война с германцами. Ситуация там сложилась для римлян крайне тяжёлая. В том же письме Юлиан так описывает, картину, которую он увидел:

«Я выступил в поход, когда хлеба уже созрели. Множество германцев совершенно спокойно расположилось на жительство вокруг кельтских городов, ими же опустошённых. Число городов, стены которых были снесены, доходило до сорока пяти, а сторожевых башен и небольших крепостей было разрушено вдвое больше; населённая варварами полоса земли по эту сторону Рейна тянулась от истоков его до океана; наиболее близко расположенные к нам поселения германцев отстояли от берега Рейна на тридцать стадиев, а между ними и нами лежала полоса, ещё втрое шире, обращённая в пустыню и настолько разорённая, что кельты там даже скота не могли пасти».

Проявив несомненный талант полководца Юлиан вернул Римской империи все потерянные земли:

«Слишком много времени потребовалось бы для того, чтобы перечислить и описать всё, что я сделал за четыре года. Вот главное: еще цезарем я трижды переходил через Рейн; я добился освобождения двадцати тысяч пленных, которых варвары держали по ту сторону Рейна; в двух боях и при одной осаде я захватил тысячу пленных, не таких, что уже не могут сражаться, а мужчин в рас-

цвете сил; В настоящее время с помощью богов я отбил обратно все наши города, уже около сорока».

В 361 году император Констанций II умер от лихорадки, и Юлиан взошёл на престол. Новый август отличался исключительной преданностью язычеству. Покуда Юлиан был цезарем, ему приходилось внешне выказывать приверженность христианской вере, но как только он услышал о смерти Констанция, больше уже не притворялся.

Став императором, Юлиан взялся за составление законов, которые по его мнению, должны были искоренить христианство и восстановить почитание древних богов во всей Римской империи. Он не считал нужным прибегать к репрессиям — мученики всегда только укрепляли христианскую церковь.

Юлиан являл собой уникальное сочетание: римский император и греческий философ. Как император он знал, что империя больна. Армия разлагалась и с трудом защищала границы государства. Правительство было поражено коррупцией. Такие старые римские добродетели, как мужество, честь и чувство долга, теперь мало кем ценились. Предшественники Юлиана на императорском троне были сибаритами и сластолюбцами, ещё способными вести войска в бой, но гораздо более того предпочитавшие покойно нежиться в своих дворцах в окружении женщин и евнухов. Конечно, всё это являлось результатом нравственного упадка в обществе. Это, следует отметить, понимал ещё император Константин. Одной из причин переноса своей резиденции в греческий Византий было его желание держаться подальше от морально разлагающегося Рима.

Как философ, Юлиан пытался обнаружить причину этого упадка и пришёл к заключению, что виновник здесь один — христианство. Оно третировало моральные ценности старого Рима, его суровую простоту и благородную мужественность, пропагандируя при этом слюнявую мягкотелость вроде подставления под удар другой щеки. Христианство лишало империю силы и стойкости, на место которых пришли изнеженность и беспомощность, причём это произошло во всех социальных слоях. Но здесь, скорее больше говорили эмоции, чем рассудок. Юлиану не приходило в голову, что эти проблемы могли возникнуть и при старой вере.

Языческая вера к тому времени пришла в приличное запустение. Вот яркий пример. Летом 362 года император перебрался в Антиохию, готовясь в следующем году предпринять военную экспедицию в Персию. Он заехал и в Дафну, предместье Антиохии. Между прочим, в этом месте в 359 году проводились Олимпийские игры. Кроме того в Дафне находился прославленный храм Апполона. Некогда храм этот с окружавшей его священной рощей был местом постоянных языческих торжеств и молений, но теперь Юлиан поражен был его пустотой. Даже жертву не из чего было принести, и встретивший его жрец должен был заколоть по случаю этого неожиданного торжества своего собственного гуся. Эта картина глубоко поразила императора, и тем более, что тут же поблизости находившийся христианский храм, в котором находились почитавшиеся христианами мощи святого Вавилы, оглашался священными песнопениями и был наполнен молящимися.

Пытаясь активизировать культ античных богов, Юлиан повелел открыть старые храмы, многие из которых были закрыты при прежних христианских императорах, перемещался из храма в храм, лично участвуя в ритуальных жертвоприношениях, но проку от этого было мало.

Не сумев поднять статус языческой религии, Юлиан решил поднять её значение, усилив давление на конкурента — христианство. В 362 он издал указ в соответствии с которым христианам было запрещено преподавать античную литературу — а она в те годы составляла основу всего школьного обучения. А так как знание литературы было необходимо государственным чиновникам, то такое решение гарантировало получение ими сугубо греко-римского обучения. Таким образом, учитель-христианин должен был менять либо профессию, либо веру. В ответ на это начались христианские демонстрации протеста, в результате которых был сожжён дотла храм Апполона в Дафне.

Юлиан отменил установленные Константином привилегии для христиан и вернул все права приверженцам традиционных культов. Летом 362 года после встречи с иудейскими ста-

рейшинами в Антиохии Юлиан разрешил иудеям вернуться в Иерусалим и восстановить их храм, разрушенный в 70 году римлянами.

В 363 году Юлиан начал войну с персами. Он выступил на восток во главе восьмидесяти пяти тысяч солдат. Император взял с собой в поход традиционных прорицателей и греческих философов — вместо священников и храма, о чём в своё время мечтал Константин. Боевые действия сложились для римлян неудачно, и в одном из сражений Юлиан был убит. Христиане облегчённо перекрестились.

Юлиану на момент смерти исполнилось всего тридцать один год, он занимал императорский трон всего лишь девятнадцать с половиной месяцев. Не многие императоры обладали его образованностью и умом, его энергией и усердием, его мужеством и неподкупностью. Возможно, проживи он дольше, он мог бы стать одним из величайших императоров. И судьба христианства, да и всей цивилизации могла пойти по-другому.

Отступающая армия избрала императором одного из командиров - благородного и доброго человека по имени Иовиан. По дороге в Константинополь новый император сделал остановку в Антиохии и начал работу над поиском нового срединного пути. Он отменил все антихристианские законы Юлиана, но не стал заменять их столь же жестокими указами, ущемляющими языческую религию. Вместо этого он объявил о веротерпимости. Будучи приверженцем христианства император тем не менее решил удалить религию из основания государственной политики. Христианин, грек, римлянин — все теперь имели права прославлять своих богов и занимать место в правительстве.

Феодосий I Великий. Христианство становится государственной религией.

Решающий перелом в пользу христианства произошёл при императоре Флавии Феодосии, который взял себе имя Феодосий I и вступил на престол в 378 году. Впоследствии его назвали Великим. Соправителем Феодосия был император Грациан, глубоко верующий христианин и управляющий западной частью империи. У Грациана был серьёзный конфликт с римскими сенаторами, которые всё ещё придерживались традиционной римской (языческой) религии. Император объяснил Сенату, что не позволит римским богам подточить христианскую веру в империи. В 382 году он убрал Алтарь Победы из здания Сената в Риме, который стоял ещё со времён победы Октавиана Августа над Антонием и Клеопатрой, то есть уже четыреста лет. Также он убрал из списка своих титулов звание Великого понтифика — верховного жреца римской религии. Этот титул существовал аж с 712 года до н.э., то есть уже тысячу лет. Так император отрёкся от не только от римских богов, но и от всего римского прошлого.

Феодосий активно вмешивался в церковную жизнь ради пользы империи, но с крайним уважением относился к христианским иерархам. В истории известен его знаменитый конфликт с епископом Амвросием Медиоланским (то есть Миланским). В 389 году император был в Милане. В это время в Фессалониках (ныне Салоники, Греция) произошёл бунт. Вспыльчивый Феодосий распорядился подавить мятеж любым способом. Напрасно Амвросий молил императора проявить милость. Приказ был отдан, и хотя император впоследствии его отменил, солдаты его получили и выполнили. В ходе подавления беспорядков погибло более семи тысяч человек.

Амвросий на то время был уже самым влиятельным клириком в христианском мире — более влиятельным, чем папа римский. Когда он узнал о расправе в Фессалониках, то написал императору письмо, что вынужден воздержаться от общения с ним, пока тот не понесёт публичную епитимию за своё преступление. Амвросий отказался впустить его в церковь ради молитвы и принятия Святого Причастия — обряда, отделявшего верующего христианина от язычника. Впервые в истории христианской церкви монарх был наказан ею за политические действия. Император отступил, покаяться в грехе и был прощён.

А на востоке империи Феодосий I столкнулся с разрушительной силой раскола христианской церкви. Арианские догматы относительно божественной природы Иисуса, противоположные некейской вере, широко распространялись среди низших слоёв общества.

Чтобы восстановить империю согласно видению Константина о христианском единстве, Феодосий обратился к закону. Он воспользовался законодательной основой римского государства чтобы поддержать христианскую религию. В 380 году в Фессалониках император издаёт эдикт (вместе с двумя другими императорами, а упоминаемые в эдикте Дамасий и Пётр — руководители Римской и Александрийской Церквей):

«Эдикт императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия Августов.

К жителям города Константинополя.

Желаем, чтобы народы, находящиеся под властью нашей, исповедовали веру, святым Петром римлянам преподнесённую, и ныне хранимую понтификом Дамасием и Петром, епископом александрийским, мужем, достойным святости апостольской. И пусть те, кто учению апостольскому и евангелию верны, в триединство бога отца, бога сына и бога святого духа веруют, и да воззовутся они христианами-католиками, иные же да будут заклеены как еретики, а соборы их да лишатся звания церкви, и да обрушится на них гнев господень, а затем и да покарает их десница наша, коя Судьёй Небесным направляема.

Писано в Фессалониках в третий день после мартовских календ, в год пятого консульства Грациана Августа и первого Феодосия Августа».

В этом эдикте никейское христианство объявляется единственно правильной верой, а инакомыслящим угрожается наказанием по закону. Феодосий, признав, как это явствует из его последующей политики, никейскую веру за безусловную истину, поставил своей целью при помощи государственных мер добиться религиозного единства в Римской империи, и этот эдикт ясно обозначил начало новой политики. Он оказался столь же значимым в

правления Феодосия, как Миланский эдикт в правлении Константина. Но в отличие от Миланского эдикта, который только заключал союз с христианством и создавал возможности для его развития вместе с остальными религиями, эдикт в Фессалониках воспроизводит почти в полном виде Никейский символ веры. То есть религиозной доктрине, выработанной негосударственной организацией, была придана сила и форма закона, санкционированного государственной властью. Это был беспрецедентный случай для римского права, что позволяет толковать и понимать этот закон не просто как союз государства и христианства, но придание христианству в его никейской разновидности государственного и исключительного статуса. Эдикт трактует христианство не столько как равноправного союзника государства, сколько как один из государственных институтов, на который теперь возлагались особые, специфические функции. Обретение церковью единства при поддержке государства имело не менее важное значение в разгар христианизации, чем Миланский эдикт в ее начале. И в этом отношении политика Феодосия I Великого оказалась не менее значимой для последующих судеб христианства, чем религиозная политика его предшественника Константина I Великого.

Святой Амброзий останавливает императора Феодосия у входа в Миланский собор. Художник А. ван Дейк. Фото: gallerix.ru

Годы обучения Иоанна Златоуста.

На таком политико-религиозном фоне проходило становление Святителя Иоанна Златоуста. Его отца звали Секунд. Он занимал важный пост в ставке римской армии на Востоке. Вскоре после рождения сына отец умер, и мальчика воспитывала мать Анфуса, женщина греческого происхождения и христианка. Она ещё при замужестве получила большое приданое, да и Секунд нажил немалое состояние, так что семья жила в достатке. С шести лет маленький Иоанн учился в начальной школе, где давали чтение, письмо и арифметику. Через три года он перешёл на более высокий уровень обучения и стал изучать греческую литературу, историю, метрику, поэтику, геометрию и математику. В 363 году в возрасте шестнадцать лет Иоанн, как полагается молодому человеку из состоятельной семьи, продолжил обучение уже в риторской школе - наиболее распространённому виду высшей гуманитарной школы в тогдашней Римской империи. Обучение в такой школе необходимо было для тех, кто хотел сделать карьеру на государственной службе, а также в качестве судьи или адвоката. Надо сказать, что обучение в те времена было платным и стоило недёшево. Поэтому Отцы древней Церкви, как люди просвещенные, были главным образом выходцами из зажиточных и культурных семей больших городов. Принадлежа к высшему обществу и сама будучи женщиной образованной, мать Иоанна постаралась дать своему сыну наилучшее по тогдашнему времени воспитание.

Иоанн обучался в риторской школе у звезды антиохийской педагогики Либания, которого современники называли «малым Демосфеном». Его высоко ценили императоры Юлиан Отступник, Валент и Феодосий I Великий. В 384 году Либаний получил звание почётного префекта претория, приравнявшего его к высшим сановникам империи (сам титул «префект претория» получали высшие административные руководители в одной из четырёх префектур Римской империи). Почти сорок лет этот профессор риторики обучал отпрысков зажиточных семей Антиохии и ее окрестностей. К нему ходили и язычники, и христиане, и иудеи. Всех их объединяли греческие классики. Таким образом, общий культурный фон школы Ливания нёс на себе ярко выраженный языческий (то есть не христианский и не иудейский) отпечаток. Но мало того, дух язычества носился, казалось, даже в самом антиохийском воздухе. Либаний мог ещё говорить о родном городе как об обителице многих богов. Языческий характер имели и главные праздники. То же самое ещё долгие годы относилось к обрядам, связанным с рождением, браком и смертью. Древние храмы стояли, как и прежде, и богиня города Тихе продолжала оставаться покровительницей Антиохии. Эту богиню изображали с рогом изобилия и с рулём в руках как признак того, что она посылает урожай и богатство и одновременно управляет человеческими судьбами. На голове у нее чаще всего — диадема в виде оборонных сооружений, как у богини, которая опекает города. Многие из тех городов, которые после походов Александра Македонского были основаны греками в чужих и далёких землях, выбрали богиню Тихе своей покровительницей.

Здесь сказывалась особенность Римской империи: столетиями она была государством, провинции, округа и города которого придерживались собственных традиций, сохраняя свою идентичность. Например Тарс, где родился и рос апостол Павел, был римским, но также и эллинским городом, где греческий звучал на улицах чаще, чем латынь. Галлия принадлежала Риму, но германские племена, занявшие эти земли, говорили на своих языках и почитали своих богов.

Обучение у Либания закончилось примерно в 367 году. Хотя в детстве Иоанн воспитывался по-христиански, однако, как нередко случалось в те времена, он не был крещён. Причина, почему так долго откладывалось его крещение, объясняется отчасти обычаем того времени - откладывать крещение до зрелого возраста, когда пройдут все увлечения молодости. В 368 или 369 году Иоанна окрестил архиепископ Мелетий Антиохийский, который оставил многообещающего молодого человека при себе и рукоположил его в 371 году в чтецы (младший церковный чин), на обязанности которого лежало читать Священное Писание с амвона во

время богослужения. В 367-372 годах Иоанн учился у Диодора, ставшего впоследствии, в 378 году, епископом города Тарс (по странным изгибам истории Диодор впоследствии стал одним из трёх «греческих учителей» Ассирийской Церкви Востока, если вы когда-нибудь слышали о такой). Диодор был борцом за православную никейскую веру и являлся в нынешнем понимании профессором богословия той высшей школы, которая сложилась в языческую пору в Антиохии. Он был последователем методов Аристотеля и преподавал Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, а также вёл аскетерий. Этим словом обозначалась своего рода учебная программа для узко ограниченной группы молодых людей, стремившихся к аскетическому образу жизни. Диодор был увлекательным и разносторонним учителем, которого занимали, между прочим, и естественнонаучные вопросы: известно его исследование о том, насколько горячим может быть солнце. Однако его истинным призванием было толкование Библии, по-гречески экзегеза. Ведь Библия – это целый мир идей и образов, впитавший в себя множество традиций. Она имеет свою символику, язык, структуру. Не всё в ней лежит на поверхности, многое нуждается в пояснении. Впоследствии ученик Диодора Иоанн Златоуст довёл до высочайшего уровня особый тип проповеди — гомилии: так называется беседа в форме толкования Священного Писания. Беседы Святителя преследовали прежде всего цели назидания, делая ударение на нравственном и догматическом аспектах Писания. Он считается в этом жанре лучшим.

Годы учения у Диодора не были наполнены одними лишь занятиями, их живым нервом сделался тот новый образ жизни, который соответствовал сформировавшимся христианским убеждениям Иоанна. В эти годы он пишет свои первые богословские труды.

Получив образование, Иоанн некоторое время довольно успешно занимался адвокатской практикой. Это занятие не стесняя человека большими обязанностями, в то же время открывало молодым талантливым людям путь к высокому и почётному положению в обществе. Почти вся знатная молодежь того времени начинала свою общественную жизнь адвокатурой. Это занятие сразу же ввело Иоанна в бурный круговорот жизни, и он столкнулся лицом к лицу с тем миром неправд, козней, обид, угнетений, вражды, лжи, слёз и злорадства, из которых слагается обыденная жизнь людей и которых он не знал в мирном доме своей благочестивой матушки. Эта обратная сторона жизни хотя и претила его неиспорченной душе, но, с другой стороны, дала ему возможность познакомиться с той бездной неправд и порока, которая часто прикрывается ложью и лицемерием, но на суде выступает во всем своём безобразии. Именно эта судейская деятельность и дала Иоанну впоследствии возможность изображать пороки с такой беспощадностью, которая, обнажая их во всей гнусности, тем самым возбуждала невольное отвращение к ним. Адвокатство вместе с тем приучило его к публичному ораторству, и он это делал столь успешно, что им восхищался его старый учитель Либаний. Молодому адвокату, очевидно, предстояла блестящая будущность: его ораторство дало ему обширную известность, которая, давая приличные денежные средства, вместе с тем открывала дорогу и к высшим государственным должностям. Из среды именно наиболее способных адвокатов, приобретших себе имя в судах, правительство приглашало лиц, которым представляло управление провинциями, и Иоанн, идя по такой дороге, мог постепенно достигнуть высокого общественного положения. И увиденная сторона этой жизни не могла не увлекать юношу, который лишь недавно вышел в общество, тем более что с этой жизнью неразлучны были и всякие удовольствия и развлечения. Человек общества должен был непременно посещать театры и цирки и, волей-неволей, отдаваться тем увлечениям и страстям, которыми светские люди старались наполнить пустоту своей жизни. И Иоанн действительно со своими молодыми друзьями и товарищами посещал эти места развлечений, но именно тут его неиспорченная натура более всего и возмутилась против такой пустоты. Он постепенно осознал всю бессмысленность и ложь подобной жизни, и увидел, как далёк этот реальный мир с его обманом и злобой, с его страстями и пороками от того божественного идеала, который преподносился ему, когда он с непорочным сердцем вступил на поприще жизни. Его душа не могла выдержать этого испытания, и он решил порвать всякую связь с этим недо-

Памятник Святителю Иоанну Златоусту в г. Златоуст
Архитектор В. П. Жариков

стойным миром, чтобы всецело посвятить себя служению Богу и стремлению к тому духовному совершенству, которое сделалось потребностью его души.

Надо отметить, что ещё перед его уходом в отшельничество Иоанн хотели рукоположить в епископы. В 374 году, когда он жил вместе с другом и сверстником своим Василием вдали от мирских дел, собравшиеся в Антиохии епископы решили поставить их обоих епископами, о чем весть дошла и до молодых людей. Иоанн, считая себя неприготовленным к надлежащему исполнению обязанностей пастыря Христовой церкви, скрылся тайно от всех и даже от своего товарища, который и был возведен в сан епископа (вероятно, Рафаны Сирийской, близ Антиохии). Казалось бы, они были ещё слишком молоды, но в те времена подобное случалось. Чаще всего по той причине, что епископов просто не хватало. После признания христианства официальной религией количество христиан стало быстро расти, увеличивалось и количество приходов, для которых нужны были епископы. С другой стороны, у христиан не было единства в понимании некоторых существенных элементов Священного Писания. На Первом Вселенском соборе 325 года были официально сформулированы основы православия, всё остальное было объявлено ересью. Епископов и так не хватало, а приверженцев ортодоксальной (правильной) веры было ещё меньше. Поэтому к этой должности стали привлекать и молодых ещё священников, что раньше было не принято. Но Иоанн от этого предложения отказался. По двум причинам. Во-первых, он полагал, что не готов для такой деятельности: здесь много административной работы, общения с людьми. Во-вторых, у него уже окончательно созрело желание покинуть мирскую жизнь и остаться наедине с Богом в отшельничестве.

Для того, чтобы понять значение должности епископа, которую предлагали молодому священнику, полезно знать церковную иерархию тех времён.

В Римской империи не было национальных Церквей: итальянской, греческой, британской и прочих. Церковная структура в основном соответствовала административным границам, которые были сформированы Диоклетианом, правившим с 284 года (полное имя этого внука раба было Гай Аврелий Валерий Диоклетиан). Этот император начал новую эпоху в Римской империи и уже не делил власть с Сенатом, а правил как монарх. Диоклетиан разделил Римскую империю на четыре **префектуры**.

Префектуры делились на **диоцезы**, а те — на **провинции**. Всего в империю входили 4 префектуры, 13 диоцезов и 86 провинций. Основной единицей государственного управления была провинция, по-гречески — епархия. Провинции делились на **парокии**, состоявшие из одного или нескольких маленьких городов, сёл и деревень. В каждой провинции и диоцезе были столицы либо главные города, называвшиеся **митрополиями**.

После признания императором Константином I Великим христианства официальной религией сложившаяся к тому времени церковная иерархия начала встраиваться в административное деление Римской империи. Эта иерархия формировалась следующим образом. В своё время Иисус из своих учеников выбрал 12 апостолов и поручил им учить народ и управлять Церковью. С течением времени апостолы рукоположили сначала **дьяконов**, затем **пресвитеров** и, наконец, **епископов**, которым постепенно передали часть своих обязанностей. Резиденция епископа называлась кафедрой. Епископы малых городов — **парокий** - подчинялись епископам провинций, которые назывались **митрополитами** и они руководили епархиями. Епархия соответствовала провинции, а иногда включала в себя несколько провинций. Таким образом, в главном городе епархии находился старший епископ или митрополит, а вокруг него группировались епископы городских округов. Митрополиты, в свою очередь, подчинялись епископам некоторых главных городов целых диоцезов. Такие епископы назывались архиепископами, а позже **папами** и **патриархами**.

Таким образом, когда Иоанну Златоусту, бывшему всего лишь чтецом, предлагали стать епископом, это означало, что он перепрыгивал сразу через две ступени: дьякона и пресвитера. Что говорит не только о его выдающихся способностях, но и о признании его достоинств.

Отшельническая жизнь.

Примерно в 373 году (точная дата неизвестна) умирает мать Иоанна. Вскоре после её смерти он, следуя своему давнишнему намерению, уходит из города к отшельникам на гору Сильфий, отроги которой тянулись до самой Антиохии. Ещё при жизни матери он однажды попытался уйти туда, но, как он сам написал в трактате «О священстве», остался дома, тронутый следующими её словами:

«Когда предашь меня земле и соединишь к костям отца твоего, тогда предпринимай далёкие путешествия и переплывай моря, какие хочешь; тогда никто не будет препятствовать; а пока я еще дышу, потерпи сожительство со мною; не гневи Бога тщетно и напрасно, подвергая таким бедствиям меня, не сделаю тебе никакого зла».

После смерти матери Иоанн остался одиноким, тем более, что его лучший друг Василий уже ушёл в монахи, и тогда он решил совсем покончить с этим грешным миром и отправился в пустыню для отшельнической жизни. Иоанн долго готовился к такому поступку и было у него много сомнений. Привыкший к удобствам жизни юноша решился на этот шаг не без колебаний. Вот что он писал в трактате «О душевном сокрушении»:

«Когда я недавно решился, оставив город, уйти в кельи монахов, то много раздумывал и беспокоился о том, откуда мне будет доставляемо необходимое и можно ли будет есть хлеб, новоиспеченный в тот же день; не заставят ли меня употреблять одно и то же масло и в светильнике и в пище, не принудят ли питаться жалкими овощами, не отправят ли на тяжелую работу, приказав например, рубить или носить дрова, таскать воду, и исполнять все прочие такие службы?»

Была ещё одна причина, по которой Иоанн покинул Антиохию и перебрался в монастырь. В среде христиан началось изрядное беспокойство. В то время императором Римской империи был Валентиниан. Сам он придерживался Никейского символа веры, но управлять восточной частью империи в 364 году поставил младшего брата Валента, который своей резиденцией выбрал Антиохию. Будучи сторонником Ария, Валент был нетерпим к любой другой религиозной доктрине. Он начал войну за уничтожение сторонников никейской веры в Антиохии: отправил их лидера антиохийского епископа Мелетия (который крестил Иоанна) в ссылку, изгнал его последователей, а некоторых просто утопил в Оронте.

Монашество как образ жизни возникло во второй половине IV века, после того, как при императоре Константине и его приемниках христианство стало вначале официальной и дозволенной, а затем государственной и обязательной религией. В то время главным настроением в античном мире был пессимизм. Римская империя рушилась, варвары наступали со всех сторон. Города пустели, имения сжигались, люди гибли и попадали в рабство. Например, население Рима в IV веке оценивается в 150 тыс. человек, а ведь во времена императора Августа оно достигало миллиона. Близился конец света, исчезали культура и радость жизни. Падение нравов достигло невиданных ранее масштабов. Блаженный Иероним (Софроний Евсевий Иероним, 342-420 годы, автор перевода Священного Писания на латинский язык, получившего название Вульгата и признанного в 1545 году на Тридентском соборе в качестве официального; 4 года жил отшельником в Сирийской пустыне) так описывал в письме к Илиодору бедствия, постигшие Римскую империю в конце IV века:

«Останавливаю внимание не на бедствиях несчастных, а на непрочности людского благосостояния. Дух ужасается исчислять бедствия нашего времени. В продолжение более двадцати лет ежедневно льется римская кровь между Константинополем и юлийскими Альпами. Скифию, Македонию, Дарданию, Дакию, Фессалию, Ахаию, Епир, Далматию и Паннонию опустошают, разоряют, грабят готы, сарматы, квады, аланы, гунны. Сколько благородных жён, сколько дев Божских, сколько честных и благородных тел было предметом поругания для этих диких зверей! Епископы в плену; пресвитеры преданы смерти; та же участь постигла и разных степеней клириков. Церкви разорены; к алтарям, как к стойлам, поставлены кони; останки мучеников вырыты... Восток казался безопасным от этих бедствий; его тревожили только доходившие до него вести. Но вот, в прошедшем году, насланы и на нас из-за крайних гор Кавказа волки не Аравии уже, а севера, и быстро прошли множество провин-

ций. Сколько пленено монастырей! Сколько рек переменили воды свои на потоки крови человеческой... Уведены целые толпы пленных...Нашими грехами сильны варвары; и как бы этих поражений было ещё мало, междоусобная война истребила почти более, чем меч вражеский».

Многих христиан не оставляло чувство, что их повседневная жизнь противоречит учению Иисуса. Монашество для христианской веры не являлось чем-то экстраординарным — оно прямо вытекало из заповедей Господа. Была ещё одна привлекательная сторона: спокойствие и умиротворение на фоне суеты и озлобления в окружающем мире. В беседе «О Лазаре» Иоанн так описывает проблемную мирскую жизнь: *«И жена раздражает тебя, и сын огорчает, и слуга приводит в гнев, и враг строит козни, и друг завидует, и сосед клеветает, и сослуживец поставляет ногу, не редко и судья угрожает, и бедность печалит, и небрежность домохозяев заставляет плакать, и несчастье повергает в уныние; и со всех сторон окружают нас многие случаи и поводы то к гневу, то к заботам, то к унынию и печали, то к тщеславию и гордости, и отовсюду несутся бесчисленные стрелы».*

Примерно в 376 году Иоанн Златоуст написал труд «К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни», в котором он так описывал жизнь отшельника:

«Хотя бы (в мире) поднялась буря, (отшельники) одни сидят в пристани в спокойствии и великой безопасности, как бы с неба взирая на кораблекрушения других, потому что они избрали образ жизни достойный неба, и пребывают в нём не хуже ангелов. Как между ангелами нет никакого нестроения, нет того, чтобы одни благоденствовали, а другие терпели крайние бедствия, но все одинаково наслаждаются миром, радостью и славою; так и здесь, никто не жалуется на бедность, никто не превозносится богатством: это - твоё, а это - моё, - такое разделение, низвращающее и смущающее все дела, изгнано отсюда, всё у них общее - и трапеза, и жилище, и одежда».

Жизнь в городах становилась всё тяжелее, особенно в духовном плане, так что уход в монастырь подчас становится единственной альтернативой, о чём Иоанн и пишет в том же трактате:

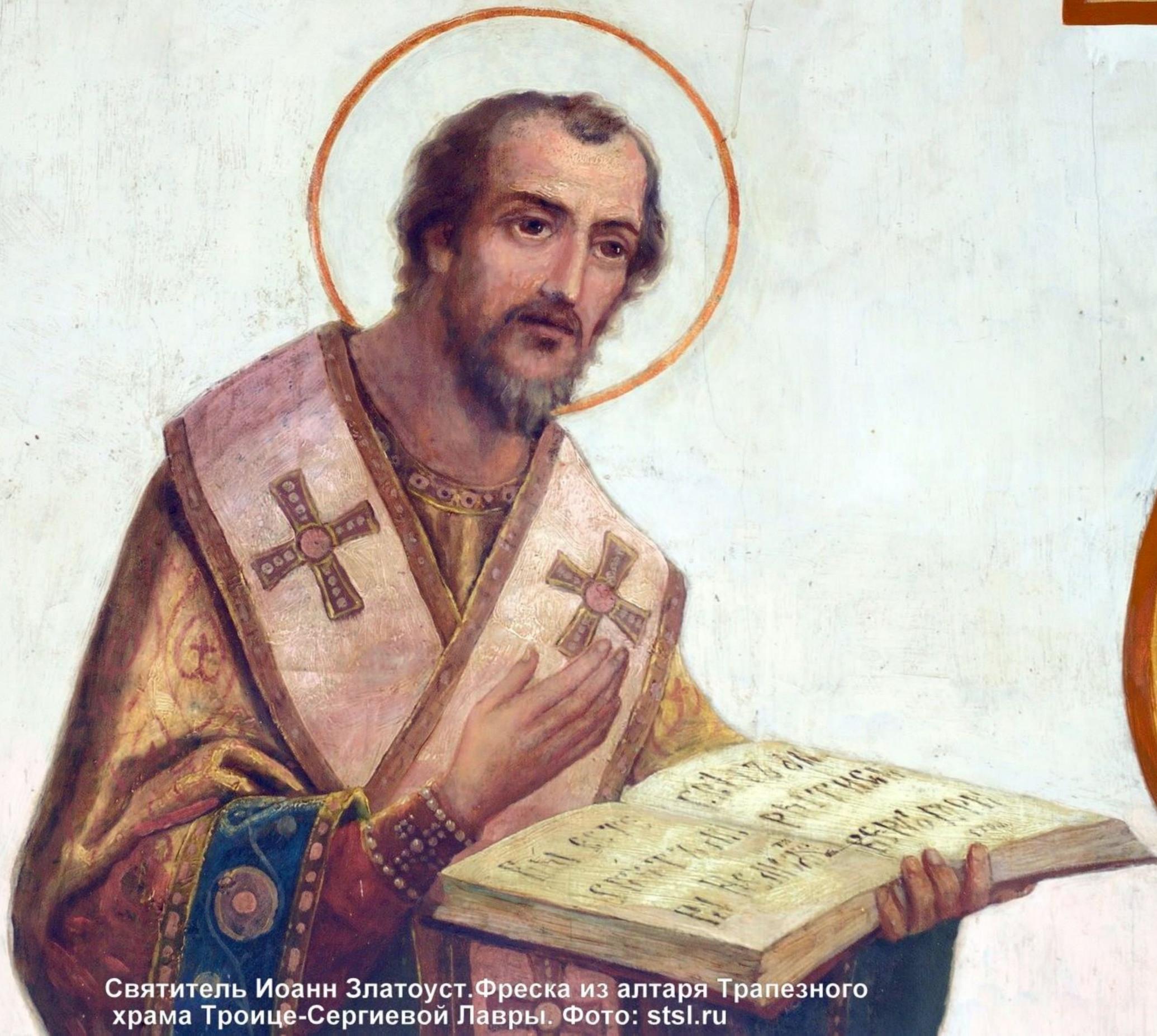
«Хотел бы и я не меньше, а гораздо больше вас, и часто молил, чтобы миновалась надобность в монастырях и такой бы настал добрый порядок в городах, чтобы никому никогда не нужно было убежать в пустыню. Но так как всё пошло вверх дном, и города, где судилища и законы, полны великого беззакония и неправды, а пустыня произращает обильный плод философии, то справедливость требует, чтобы вы винили не тех, которые желающих спастись исторгают из этой бури и волнения и руководят к тихой пристани, но тех, которые каждый город делают столь недоступным и непригодным для мудрствования, что желающие спастись принуждены бывают убежать в пустыни...Что же, скажет кто-нибудь, разве все живущие в городах погибают и обуреваются, и должны, оставив города безлюдными, переселиться в пустыню и жить на вершинах гор? Ужели ты повелеваешь это и узаконяешь? Нет, напротив я, как раньше уже сказал, и желал и молюсь, чтобы мы наслаждались таким миром и тирания этих зол была бы настолько разрушена, чтобы не только живущим в городах не было нужды удаляться в горы, но и обитающие в пустынях, как долго скрывавшиеся беглецы, опять возвратились в свой город.»

По прошествии четырёх лет Иоанн сделал следующий шаг. Он на два года удалился в пещеру, где жил по невероятно тяжёлому правилу. Спать он себе позволял только сидя, да и то урывками. Ел крайне мало. Иоанн чувствовал в себе силу своего тёзки Иоанна Крестителя и подобно ему стремился в пустыню, чтобы там, вдали от мира, приготовить себя на предстоявшее ему великое служение. По своей страсти к подвижничеству он готов был навсегда поселиться в пустыне. Однако спустя два года Иоанн вынужден был прервать процесс умерщвления плоти из-за тяжелой болезни. На всю оставшуюся жизнь его здоровье осталось подорванным и хрупким. Он мог принимать лишь лёгкую пищу в небольших количествах, страдал бессонницей и приступами озноба. Он достаточно наголодался в пустыне, нажил себе на всю жизнь болезнь желудка и в 379 году вынужден был вернуться в Антиохию.

Подобный аскетический стиль жизни, который может показаться чрезмерно суровым, был весьма распространен в те давние времена, а у молодых людей, можно сказать, даже вошёл в моду. При этом, аскеза привлекала не одних христиан, но и приверженных древним культам философов. Их ориентиром в этом смысле был живший в III веке философ Плотин, который сказал, что он стыдится того, что находится в своем теле, и потому стремился, насколько это было возможным, урезать его потребности. Один из самых известных аскетов Симеон Столп-

ник покинув монастырь в 412 году, поселился в брошенной хижине у подошвы горы неподалеку от Антиохии, там провел три Великих поста, никуда не выходя, затем перебрался на вершину горы, где приковал себя к ограде железной цепью. Наконец, он стал жить на краю отвесной скалы, потом и вовсе на вершине столба, отсюда и его прозвище - Столпник. Его последним жилищем был столб высотой 18 м, на вершине имевший площадку размерами 4 на 4 метра. Там он в течение тридцати лет посвящал себя молитве, благодаря чему снискал славу святого. За советом к нему приходили императоры и епископы, а также кающиеся злодеи. Авторитет его был невероятно высок во всех смыслах.

Св. Іоáннъ Златоустъ.

Святитель Иоанн Златоуст. Фреска из алтаря Трапезного храма Троице-Сергиевой Лавры. Фото: stsl.ru

Иоанн Златоуст становится знаменитым проповедником.

В Антиохии вернувшегося Иоанна с радостью встретил епископ Мелетий, который в 381 году посвятил его в сан диакона (помощника епископа). Через пять лет, в 386, году епископом Флавианом, сменившем Мелетия, Иоанн был возведён в сан пресвитера, что и предопределило его карьеру проповедника.

В чём разница между диаконом и пресвитером? Диаконы следили за опрятностью священных одежд и чистотой в алтаре, готовили хлеб и вино для богослужений. Они должны были принимать добровольные приношения верующих и раздавать по окончании богослужения нищим то, что не было использовано в литургии. Важной функцией диаконов было управление церковным имуществом. Благодаря дарам и пожертвованиям церковь обладала земельными угодьями, строениями и сдаваемыми внаём квартирами. Большая церковь в Антиохии была обнесена длинной стеной. За ней стоял ночлежный дом и четыре трапезные. За пределами обнесённого стеной участка находился приют для неизлечимых больных. Церковь неслала заботу о чужестранцах и вдовах, об инвалидах и узниках. Должность дьякона - трудная, требующая полного самоотвержения и любви, но вместе с тем она была и превосходной школой для приготовления к высшему пастырскому служению. В пустыне Иоанн, заботясь о спасении своей собственной души и не видя всех немощей и бедствий, удручающих страждущее человечество, мог ослабеть в своем человеколюбии, так как, если не видеть постоянно перед собою несчастных, то нетрудно и совсем забыть о них.

Однако с саном диакона не соединялось церковное учительство, принадлежавшее пресвитерам, да и сами обязанности этого преимущественно благотворительного служения не давали времени и возможности для такого учительства. Пресвитер же, по своему полномочию, полученному от епископа, мог учить народ догмам веры и благочестия.

Иоанну было поручено произносить проповеди, и он делал это не реже двух раз в неделю, а иногда и ежедневно. В Антиохии в то время половина населения были христиане, остальные — язычники и иудеи. В языческих (греческих) школах преподавали знаменитые в то время риторы и философы, у которых учились даже христиане, многие из которых не могли не развиться воззрениями своих учителей. Да уже и сама совместная жизнь христиан с язычниками и иудеями, с которыми их связывали многочисленные деловые и общественные интересы, естественно, накладывала на самих христиан своеобразную печать, и в них не могло уже быть той цельности религиозного настроения, какие бывают в городе, населённом одними только христианами. В огромной части жители Антиохии были еще полуязычники. Они приняли христианство как религию, исполняли его внешние предписания и постановления, но его духом ещё мало были проникнуты, и в их жизни много было нравов и обычаев с отголосками язычества (в этом смысле значительное количество нынешних христиан очень похоже на таких полуязычников).

Под влиянием такой смеси убеждений среди христиан постоянно появлялись учителя, которые хотели собственным умом постигать и толковать учение Иисуса. Между различными учителями возникали споры и распри, образовывались различные направления и партии, которые, порой, вели между собою ожесточённую борьбу, вносящую крайнюю смуту в церковную жизнь. Некоторые из таких учителей прямо выступали проповедниками ересей и разных заблуждений, становились во главе расколов, и все это вместе делало антиохийскую церковь подобной кораблю, обуреваемому непрестанными ветрами с постоянно сменяемым капитаном. Пастырям церкви необходимо было бороться со всеми этими врагами ортодоксальной, то есть православной веры. В сане диакона Иоанн Златоуст занимался лишь делами благотворительности, теперь же он выступал в качестве церковного учителя и проповедника и сразу обнаружил свои необычайные способности. Уже первая произнесенная им в 386 году проповедь именно по случаю посвящения его в сан пресвитера произвела на

многочисленное собрание молящихся, прибывших на торжество посвящения своего любимого диакона, неизгладимое впечатление. Вот отрывок:

«Часто держа в руке много вещей и сжимая их своими пальцами, мы, испугавшись роняем всё из-за расслабления наших нервов и упадка телесных сил. Это же, боюсь, не случилось бы сегодня и с моей душой, и с великим трудом собранные мной для вас мысли, хотя малые и скудные, от страха пришедшие в забвение, не исчезли бы и не улетели бы, оставив ум мой пустым. Поэтому прошу всех вас вообще, начальствующих и подчиненных, чтобы вы, сколько навели на меня страха прибытием для слушания, столько же вдохнули в меня смелости усердием в молитвах...Для вас столь многих и великих, конечно не трудно опять укрепить расслабленную страхом душу одного юноши; и справедливо было бы, если бы вы исполнили эту просьбу мою, так как для вас же я решился принять этот жребий, для вас и вашей любви, которой нет ничего сильнее и властительнее, которая и меня, не очень опытного в красноречии, убедила говорить и заставила выйти на поприще учения, хотя я никогда прежде не выступал на такое поприще, но всегда был в ряду слушателей и наслаждался спокойным молчанием.»

Вскоре после рукоположения в пресвитера Иоанн произнёс «Слово о проклятии», сказанное им по поводу образовавшихся в Антиохии отдельных обществ, из которых одно состояло из преданных епископу Мелетию (мелетиан), другое - из признававших своим епископом Павлина (павлиниан), третье - из ариан с епископом Евзовием, и четвертое - из приверженцев Аполлинария Лаодикийского, который не признавал других епископов и объявил себя главой автономной церкви (он полагал, в частности, что Сын Божий, воплотившись, принял не полное человеческое естество, но только тело и душу, ум же человеческий в Нем заменился умом Божественным, поскольку «где полный человек, там и грех...Если бы Господь принял всё естество человека, то, без сомнения, имел бы и человеческие помыслы, в человеческих же помыслах невозможно не быть греху»). Так как во взаимных пререканиях иногда одни из руководителей образовавшихся партий позволяли себе проклинать других, то для прекращения соблазна Иоанн и произнёс в местной церкви это Слово, которого полное заглавие следующее: "О том, что не должно проклинать ни живых ни умерших". Как известно, сейчас Церковь разделена на три части: Православную, Римско-Католическую и Протестантскую. В IV веке этого деления ещё не было, но христиане делились по другому признаку: сторонники и противники Ария. Сражения шли ожесточённые, анафема объявлялась направо и налево (анафема - отлучение христианина от общения с верными и от святых таинств, применяемое в качестве высшей церковной кары за тяжкие прегрешения, прежде всего за измену Православию и уклонение в ересь или раскол; её не следует смешивать с «отлучением», которое представляет собой временное исключение индивида из церковной общины с запретом участвовать в таинствах, а для духовных лиц - занимать церковные должности). Авторитет Иоанна в Антиохии был так велик, что он заметно сглаживал противоборство четырёх христианских групп. Но его проповедь имеет гораздо большее значение, чем простая попытка помирить противников. Он выступает в принципе против церковных проклятий и анафем, что, к сожалению, стала обязательным обычаем Церкви. Иоанн приводит в пример Иисуса, который прощал всех, даже грешников и говорит о недопустимости лишения человека надежды на спасение: «А изрекаемое тобою «анафема» не то ли значит, чтобы такой-то был предан дьяволу, не имел участия во спасении, был отвержен от Христа?» Он формулирует вопрос, который можно было задавать и в те времена, и сейчас: «Но кто ты, присвояющий себе такую власть и великую силу?» и приводит пример апостола Павла, который лишь два раза употребил слово «анафема», но не относил его ни к кому конкретно. Иоанн повторяет свой вопрос ещё более жёстко: «Почему же, тогда как никто из получивших власть (то есть пророков и ангелов) не делал этого или не смел произносить такого приговора, ты осмеливаешься делать это, поступая вопреки (цели) смерти Господней, и предупреждаешь суд Царя (то есть Господа)?». И ссылаясь на одного из Отцов Церкви - Игнатия Богоносца - он заключает: «Злоупотребляющие определением Господним и предающие человека церковной анафеме подвергают себя совершенной гибели, присвоая себе достоинство Сына Божия...Ибо анафема совершенно отлучает от Христа». Говоря о распрях внутри Церкви он приводит слова Иисуса из Евангелия от

Иоанна: «Потому узнают все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою». Как образец для подражания Иоанн приводит пример апостола Павла: «И однако, имея такую любовь ко Христу, он никого не подвергал ни обиде, ни принуждению, ни анафеме: иначе он не привлек бы к Богу столько народов и целых городов». Иоанн Златоуст выступает против церковного чванства, когда тот или иной иерарх полагает, что задачу нести слово Божие он может решить церковным декретированием. Некоторые епископы считали, что один их сан даёт право им решать судьбы человеческие: «Рукоположение не к властолюбию ведёт, не к высокомерию располагает, не господство предоставляет. Все мы получили одного и того же Духа, все признаны к усыновлению: кого Отец избрал, тех Он сподобил со властью служить братьям своим. Итак, исполняя это служение, мы увещеваем вас и заклинаем отстать от такого зла. Ибо тот, кого ты решился предать анафеме, или живёт и существует ещё в этой смертной жизни, или уже умер. Если он существует, то ты поступаешь нечестиво, отлучая того, кто еще находится в неопределённом состоянии и может обратиться от зла к добру: а если он умер, то – тем более...Притом опасно произносить суд свой о том, что сокрыто у Судьи веков, который один знает и меру ведения и степень веры. Почему мы знаем, скажи мне, прошу тебя, за какие слова он подпадет обвинению или как оправдает себя в тот день, когда Бог будет судить сокровенные дела людей?..Еретические учения, несогласные с принятым нами, должно проклинать и нечестивые догматы обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться об их спасении».

Чтобы оценить степень остроты внутрицерковной борьбы, достаточно посмотреть на историю антиохийского епископа Мелетия, которого четырежды назначали и трижды снимали с должности. Он занял Антиохийскую кафедру в конце 360 года, назначение утвердил император Констанций II. Будучи сторонником Никейского Собора Мелетий боролся с арианами. Но вскоре Констанций, будучи сам арианином, потребовал, чтобы на Антиохийском соборе 361 года Мелетий был низложен и выслан (в первый раз). Хотя опальный епископ пробыл в должности едва месяц, он снискал всеобщую любовь и уважение, его именем называли детей. В одной из проповедей Иоанн Златоуст описывал реакцию прихожан на изгнание Мелетия («Похвальная беседа об отце нашем Мелетии»): «Когда начальник города, посадив на колеснице близ себя святого, проезжал быстро среди площади, то камни, как град, со всех сторон посыпались на голову начальника, потому что граждане не переносили разлуки и хотели лучше лишиться настоящей жизни, нежели видеть отторгнутым этого святого». В 361 году император Юлиан вновь назначил Мелетия епископом (сам император к тому времени вернулся в язычество, то есть к римским богам), но затем опять выслал его в 362 году (это была уже вторая высылка). На кафедру в третий раз в 363 году его вернул сменивший Юлиана император Иовиан, который в споре христиан придерживался нейтралитета. В 365 году арианин император Валент вновь (уже в третий раз) выслал Мелетия, но император Феодосий I окончательно вернул его на Антиохийскую кафедру. В 381 году в Константинополе проходил Второй Вселенский Собор, где Мелетий по поручению императора был председательствующим. Тяготы жизни сказались на здоровье епископа, и он скоропостижно скончался во время Собора. Иоанн Златоуст увидел в этом Божью заботу о чувствах антиохийцев *«Случилось же это и из жалости в нашему городу. Если бы он здесь испустил дух, невыносимо должно бы было стать бремя этого несчастья. Кто мог бы видеть этого блаженного испускающим последние вздохи? Кто мог бы видеть веки глаз его закрывающимися и уста смыкающимися, вещающими последние слова? Кто, видя это, не пал бы духом от великого несчастья? Посему, чтобы не было этого, Бог устроил, что он испустил дух в чужой стране, дабы в промежуточное время размыслив о несчастье и приучив наш ум к горести, мы не были потрясены в душе, когда увидим его прибывшего мертвым, как действительно и случилось».*

Когда побеждали ариане, Мелетия высылали, когда одерживали вверх никейцы, епископ возвращался на кафедру. Но всё определялось не внутренними течениями в Церкви, а тем, какой веры придерживался текущий император. У православия и в те времена не было независимости.

Церковь Святителя Иоанна Златоуста
в Коровниках. Фото: тарю net

Постепенно становилось всё яснее, что стихия Иоанна Златоуста – не отшельничество, а общение с широкими христианскими массами. Его харизма (свойства человека привлекать других людей и оказывать на них влияние) и его проповеди оказались столь впечатляющими, что и в Антиохии, и позднее в столице он завоевал у простых людей исключительный авторитет, стал народным кумиром. Люди видели в нем бескомпромиссного глашатая евангельской правды, защитника бедных и угнетённых. И народ толпами валил на его проповеди. Предание сохранило некоторые черты облика Иоанна Златоуста. Это был человек маленького роста, с большой головой, с лицом, испещрённым морщинами.

В своих проповедях Иоанн не читал по писанному, а просто вёл живые беседы с прихожанами, что их весьма удивляло. Никогда раньше ничего подобного не было в Антиохии, и никто ещё никогда не проповедовал слова Божия без книги или свитка. Иоанн был первый такой необычный проповедник. Из уст его, как говорится, изливалась такая благодать, что слушатели не могли ни надивиться, ни насытиться его беседами. Сам Иоанн записывал свои проповеди чрезвычайно редко. Поэтому появились люди, которые записывали за ним, а затем записи свои передавали или продавали многочисленным желающим. Беседы его сделались предметом всеобщего разговора, и их читали даже за пиршествами и на торжествах, а многие заучивали их наизусть. Когда становилось известным, что будет вести беседу этот виртуоз слова, то весь город приходил в движение: купцы оставляли свою торговлю, строители — свое строительство, адвокаты — суды, ремесленники — свои мастерские, и все устремлялись в церковь. Послушать его считалось особенным счастьем.

Иоанн старался привлекать слушателей формой и смыслом своих речей, вовсе не требуя от прихожан выслушивания проповеди от начала и до конца: *«Впрочем, так как в таком множестве слушателей есть, конечно, и слабые, которые не могут проследить до конца за продолжительным словом, то я посоветую таковым вот что: выслушав, что могут, пусть примут они это, и приняв, сколько для них вместимо, пусть и удалятся отсюда. Никто не запрещает им уходить, никто не принуждает их и оставаться здесь сверх силы»* («О дьяволе. Беседа первая»).

Он считал, что проповедник в любых обстоятельствах должен исполнять свой долг и сеять разумное, доброе, вечное, даже если его прихожане не склонны внимать его словам. В беседе «О Лазаре», произнесённой ещё в начале 387 года, он таким образом описал свою задачу: *«И о, если бы произошла какая-нибудь польза от слов моих! Впрочем, если они и после увещания останутся в том же состоянии, я и тогда не перестану предлагать им совет. Источники текут, хотя бы никто не черпал из них, и родники источают воду, хотя бы никто не брал её, и реки бегут, хотя бы никто не пил из них; так и проповедник, хотя бы никто не внимал ему, должен исполнять всё от него зависящее»*.

Деятельность пастыря крайне сложная и требует, например, хороших знаний психологии, поскольку простые поучения зачастую вызывают у слушателей лишь раздражение: *«У священника множество затруднений. И во-первых, он должен управлять так, чтобы ему повиновались добровольно и были ему благодарны за его управление. А этого не скоро можно достигнуть, потому что тот, кого обличают и укоряют, каков бы он ни был, вообще вместо благодарности чувствует досаду. Так же будет поступать и тот, к кому обращаемся с советом, вразумлением и просьбою. Поэтому, если я скажу: раздай деньги нищим, то скажу ничто неприятное и тягостное. Если скажу: укроти гнев, погаси ярость, обуздай постыдную похоть, умерь сколько-нибудь роскошь, то все это покажется тягостным и неприятным. Если накажу беспечного, выведу его из церкви, или запрещу участвовать в общественной молитве, то он будет скорбеть, не потому, что удалён от этого, а потому, что всенародно посрамлён»* («Толкование на 1-е Послание к Фесалоникийцам»).

Подобно тому, как Иисус призывал своих учеников разносить его учение, так и Иоанн обращался к своим слушателям («Беседа о Лазаре»): *«Я не могу один каждый день быть со всеми вами, мне недостает сил одному беседовать с таким множеством. Если же вы захо-*

Католический храм Святителя Иоанна Златоуста в Новокузнецке. Фото: seliroehal.ru

тите принять участие в спасении друг друга, и взять на себя каждый по одному из беспечных братьев, то у нас быстро пойдет вперед дело назидания».

Иоанн понимает, от его проповедей не очень много пользы, хотя бы по тому, что прихожане забывают о них, едва переступив порог церкви. Но это удел всяких, даже самых умных слов. Гораздо большее значение имеет сама манера поведения человека. В «Толковании на 2-е Послание Фессалоникийцам» он приводит такой пример: *«В доме твоём случилась потеря? Жена, как более немощная и пристрастная к роскоши, приходит от этого в смущение? Но если муж мудр и смеется над этой потерей, то он утешит её и убедит великодушно перенести потерю. Итак, скажи мне, не гораздо ли больше он принесет ей пользы, чем наши слова? Говорить ведь всякому нетрудно, но действовать, когда нужно, весьма трудно. Оттого-то обыкновенно человеческая природа больше может быть исправлена примером».*

В те времена не было средств массовой информации, а книги были очень дороги, поэтому проповедь, по сути, оставалась единственным способом научить чему бы то ни было церковный народ. Жители Антиохии с восторгом внимали словам проповедника, который вполне овладевал их сердцами. Когда он изобличал пороки своего города — бичевал алчность и жестокость богачей, низость и мятежность бедных, тщеславие и хищничество чиновников, пустоту и развращённость женщин, то стоявшие в храме не могли не краснеть и не содрогаться от сознания своей порочности, а когда проповедник заключал свое вдохновенное слово призывом к покаянию и исправлению, то слушатели не выдерживали и прерывали его речь оглушительными рукоплесканиями.

Вот пример из его проповеди «Восемь слов на Книгу Бытия» 386 года, которая позволяет оценить красоту слога. Не проповедь, а просто поэма:

«Приятна весна мореплавателям, приятна и земледельцам; но не так приятна мореплавателям и земледельцам весна, как приятно время поста — эта духовная весна для души, это истинное умирение помыслов. Земледельцам приятна весна потому, что они видят, как земля украшается цветами и как всюду покрывают её, подобно разноцветной одежде, произрастающие травы. Мореплавателям приятна весна потому, что они могут безопасно плавать по морской поверхности, когда волны утихли и в глубокой тишине играют дельфины, часто прыгающие по самым бокам кораблей. А нам приятна весна поста потому, что она успокаивает обыкновенно у нас волны — не вод, но безумных пожеланий, и приготовляет нам венец, не из цветов, но из даров духовной благодати. Не так появление ласточки может прогонять зиму, как наступление поста удаляет из нашей души зиму страстей».

Ценность того, о чём говорил Иоанн Златоуст была ещё и в том, что он давал своим прихожанам дельные советы, как правильно понимать окружающую жизнь и устройство общества. Свои выводы он старался обосновать, дабы слушатели сами пришли к такому же выводу. Вот, например, совет женщине о её внешнем виде («Огласительное слово», 387 г.): *«Ты желаешь украсить лицо свое? Украшай его не жемчугом, но целомудрием и скромностью, тогда мужу приятнее будет смотреть на тебя. То украшение обыкновенно даёт повод к ревности, вражде, несогласию и ссорам, - а нет ничего неприятнее лица подозреваемого, - украшение же милостынею и целомудрием удаляет всякую худую мысль и привязывает супруга крепче всяких уз. Не столько природа делает лицо красивым, сколько расположение взирающего на него».* Дальше он объясняет, почему и у красивой жены семейная жизнь может не сложиться:

«Таким образом, хотя бы жена была красивою, но, если муж чувствует к ней ненависть, то она будет казаться ему гнуснейшею из всех. Напротив, хотя бы она и не была благообразною, но, если муж к ней расположен, то она будет казаться ему красивейшею из всех, потому что мнение зависит не от естественных свойств видимого, но от расположения видящих».

Говоря о желании женщины понравиться окружающим, Иоанн предлагает ей подумать, а для кого она так старается:

«Подумай, кому ты хочешь нравиться и для кого надеваешь это украшение, - чтобы канатчик, медник и лавочник взирая на тебя, удивлялись? И ты не стыдишься и не краснеешь, показывая себя тем, которых не считаешь достойными даже твоего приветия, и делая все это для них?».

Солидная проповедь включает в себя четыре элемента: простое изложение истины из Евангелия, объяснение этих истин и фактов и их значение в жизни человека, увещание людей устроить свою жизнь в соответствии с ними, и, наконец, наставление (то есть гомилия) как преобразовать всю жизнь в духе христианского вероучения. В Священном Писании Иоанн находит самые важные указания для своей паствы: как жить по Евангелию, как исполнять волю Божию, как любить ближнего. Большинство сохранившихся проповедей Иоанна Златоуста были произнесены именно в Антиохии. Время пресвитерского служения оказалось самым плодотворным в творческом плане, к этому периоду относятся почти все его основные толкующие Священное Писание беседы, а также много бесед - гомилий, посвященных нравственным, догматическим и аскетическим вопросам.

Иоанна Златоуста нельзя назвать богословом – теоретиком, он не разрабатывал новых догматов. Из толкуемого текста Иоанн всегда старался извлечь практическую пользу. Вот пример. Первая из бесед (гомилий) «О Статуях» посвящена комментарию на слова из первого послания апостола Павла Тимофею: *«Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов»*. Сама беседа посвящена именно апостолу, его мудрости и доброте, но Иоанн Златоуст не преминул и пнуть такой сильный грех, как пьянство:

«Вино дано Богом не для того, чтобы мы упивались до пьяна, а чтобы были трезвыми, чтобы веселились, а не скорбели. И действительно, чрезмерно упивающиеся бывают мрачны духом, так как над умом их разливается великий мрак. Да не будет пьянства, потому что вино дело Божие, а пьянство – дело дьявола. Не вино производит пьянство, а воздержание производит пьянство. Что, в самом деле, достойно большего сожаления, чем пьянство? Пьяница живой мертвец, пьянство – демон самозванный, недуг, не имеющий прощения, падение, лишенное оправдания, общий позор рода нашего. Пьяница не только бесполезен в собраниях, не только в делах частных и общественных, но и по одному просто виду противнее всех, дыша зловонием».

Такие проповеди были бы актуальны и в наше время. Или вот как он живописно описывает обжорство в беседе «О судьбе и проведении. Слово шестое»:

«Существуют, поистине существуют такие, которые думают, что они ради того введены в настоящую жизнь, чтоб, предавшись роскоши и расстроив свое чрево, и утучнив своё тело, затем умереть, приготовляя из своей собственной плоти очень обильную трапезу червю».

По мнению Иоанна есть следует по-меньше: («беседа «О Лазаре. Слово первое»):

«Приучимся употреблять пищи столько, сколько необходимо только для поддержания жизни, а не для пресыщения и отягощения. Ибо мы не для того родились и живем, чтобы есть и пить, но для того едим, чтобы жить. Не жизнь для пищи, но пища для жизни дарована от начала».

В своих проповедях Иоанн Златоуст рассматривал множество разнообразных вопросов. Например, в толковании на второе послание Апостола Павла фессалоникийцам комментируя слова апостола «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» он объясняет, кому нужно подавать милостыню:

«Человек, который может трудиться и между тем остается праздным, по необходимости становится суетливым. А милостыня предназначена только для тех, которые не имеют силы трудами рук своих удовлетворять своих нужд, или для наставников, всецело посвятивших себя делу учения».

Характерной особенностью проповедей Иоанна Златоуста были яркость и остроумие, оттого они так запоминались слушателями. Например, сквернословие — большой, но крайне распространённый грех. Как же отучить от него? Наверное, это сделать легче, если регулярно припоминать образную картину, нарисованную в беседе «О Лазаре»:

«Как пёс, стоя у стола и видя, что человек, вкушающий пищу, часто бросает ему что-нибудь из лежащего на столе, остается тут безотлучно. Если же, постояв раз и два раза, не получит ничего, то отходит прочь, как пристававший тщетно и напрасно. Так и диавол постоянно стоит пред нами с открытою пастью. Если бросишь ему, как псу, богохульное слово, то он, схватив его, опять приступит. Если же всегда будешь благодарить Бога, то уморишь его голодом и скоро отгонишь и заставишь отбежать».

Насколько Иоанн детально изучил Священное Писание и почему важно понимать все тонкости этого текста, можно видеть из той же проповеди (но прочитанной как продолжение

на другой день). Он анализирует слова апостола Павла из его 1-го послания к Фессалоникийцам *«Не хочу, вам, братие не ведети о усопших, да не скорбите, якоже и прочии неимуции упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскрес, тако и Бог усопшия во Иисусе приведет с Ним»*. Это церковно-славянский текст, приведённый в собрании сочинений Иоанна Златоуста. А вот синодальный перевод, приведённый на официальном сайте Московской Патриархии: *«Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведёт с Ним.»* (1 Фес 4:13-14). Слова, отличающиеся по смыслу из обоих вариантов, подчёркнуты. Это: усопший и умерший. Вот, в чём разница между ними: *«Здесь наперёд надобно обратить внимание на то, почему апостол, когда говорит о Христе, называет смерть Его смертью, а когда говорит о нашей кончине, то называет её не смертью, а успением»*. Не просто и не без цели апостол Павел употребляет эти различные выражения. Говоря о Христе, он употребил слово «смерть», чтобы показать действительность Его страданий, а об обычных людях - «успение», чтобы умерить нашу скорбь. Там, где уже совершилось воскресение, он смело употребляет слово «смерть», а там, где воскресение есть предмет надежды, употребляет слово «успение», самым названием и утешая нас и укрепляя благие надежды. Спящий конечно, встанет, а ведь смерть есть не что иное, как продолжительный сон. *«Не говори мне, что умерший не слышит, ни говорит, ни видит, ни чувствует; ибо таково же состояние и спящего. Если можно сказать нечто странное, то и душа спящего как бы спит, а у умершего, напротив, бодрствует. Но умерший, скажешь, гниёт и тлеет и превращается в прах и пепел. Что же из этого, возлюбленный? Поэтому самому и надобно особенно радоваться. Тот, кто хочет перестроить развалившийся и ветхий дом, наперёд выводит из него живущих, потом разрушает этот дом и снова воздвигает в лучшем виде... Так и Бог разрушает наше тело, намереваясь создать его вновь, и сперва изводит живущую в нём душу, как бы из какого дома, дабы потом, воздвигнув его в лучшем виде, опять ввести в него душу с большею славою»*. Говоря о смерти и воскресении, Иоанн приводит и слова утешения, которые могут помочь тому, кто потерял близкого человека: *«Видя умершего, не на то смотри, что он сомкнул глаза и лежит безгласным, но на то, как он воскреснет и получит неизъяснимую, изумительную и дивную славу... Как же, скажешь, возможно человеку не скорбеть? Я и не говорю этого, я отвергаю не скорбь, а чрезмерность скорби. Скорбь естественна, но скорбь чрезмерная свойственна душе безрассудной, умоиступлённой и слабой. Поскорби, поплачь, но не ропщи, не малодушествуй, не негодуй... Смерть есть не что иное, как сон, путешествие, переселение, успокоение, тихая пристань, избавление от смятения и освобождение от житейских забот»*.

Двенадцать лет Иоанн Златоуст проповедовал в Антиохии, и проповеди принесли ему славу во всём христианском мире.

Иоанн Златоуст и антиохийский бунт.

Особенно ярко силу своего ораторского таланта и авторитета Иоанн Златоуст проявил во время постигших Антиохию грозных событий. В 387 году в городе вспыхнул бунт. Формальным поводом для него явился указ императора Феодосия I, который объявлял новые обременительные для населения налоги, предназначавшиеся для уплаты значительных издержек по устройству дворцовых празднеств по случаю десятилетнего царствования императора, на ведение войны и другие государственные нужды. Феодосий I, впоследствии названный Великим, управлял в это время восточной частью Римской империи. Он был соправителем другого императора Грациана, который управлял западной частью.

С целью избежать лишних расходов Феодосий даже решил заранее справить десятилетний юбилей своего царствования, приходившийся на 388 год, воспользовавшись для этого празднованием дня рождения своего старшего сына Аркадия и прошествии пяти лет со времени дарования ему титула августа (Аркадий впоследствии стал императором Восточной Римской империи). Издержки в таких случаях были действительно огромны. Одна только армия ждала подарка в пять золотых монет на каждого солдата. Это легло значительным бременем на императорскую казну, восполнением дефицита которой и был вызван новый налог на города восточной части Римской империи. После объявления императорского эдикта в Антиохии воцарилось всеобщее недовольство. Жители города в большинстве своём имели характер беспокойный и никогда не были довольны ни своим собственным положением, ни характером управления своих государей. Низы были крайне возбуждены. Состоящая большей частью из некоренных жителей Антиохии раздражённая и разгневанная толпа, произведя разные бесчинства в общественных банях и совершив нападение на дворец префекта, стала разбрасывать раскрашенные портреты Феодосия, смешивая последние с грязью и изрыгая страшные проклятия на императора. А затем стащила с пьедесталов статую Феодосия, его отца, его жены Флакиллы и двух его сыновей, Аркадия и Гонория, одни разбивала вдребезги, а другие с презрением таскала по улицам. Такие оскорбления императорского достоинства достаточно ясно обнаружили преступные намерения смутьянов. Ведь все знали, что низвержение императорских статуй приравнивается к покушению на особу императора. Статуя означала присутствие в городе самого самодержца. Мятеж вскоре был подавлен префектом, вызвавшим для усмирения бунтовщиков отряд стражников.

Но ещё не успел город опомниться от этого неистовства, как жителей охватил ужас при мысли о гневе императора. Вспыльчивость Феодосия была хорошо известна. Антиохию охватил панический страх, гнетущая тишина воцарилась по всему городу. На ситуацию ещё и накладывалось воспоминание о недавнем землетрясении, которое не было сильным, но определённое беспокойство вызвало. А у верующих природные катаклизмы всегда связывались с наказанием богов за прегрешения. Улицы полностью опустели. Жителей приводили в ужас рассказы, что будто император, раздражённый оскорблением, которое было нанесено его собственным статуям и в особенности статуям горячо любимой им императрицы, решил стереть с лица земли дерзкий город и истребить без различия возраста и пола его преступных жителей. Для многих из жителей города не безопасно было выходить из дома, потому что везде ловили виновных и невинных, хватали среди площади и тащили в суд без всякого разбора. Иоанн Златоуст так описывал атмосферу, установившуюся в городе («О статуях. Беседа тринадцатая»): *«Когда большая часть города от страха и грозы той переселилась в пустыню и пещеры, и в места сокровенные, потому что страх отовсюду гнал их, когда в домах не стало женщин и на площади не было мужчин, а едва показывались двое или трое идущие по ней друг с другом, и то как будто бродящие мертвецы... Каждый подозревал ближнего, потому что многие уже, сверх всякого чаяния, схвачены были на самой площади и содержались внутри судилища... И можно было видеть пытки внутри судилища и пытки вне его...Подсудимые были хоть и первыми в городе и цветом благородства, однако рады были*

бы, если бы кто, взяв у них всё, даже, если нужно, и самую свободу, дал им только пользоваться настоящею жизнью. И однако ничто из всего этого не тронуло тогда судей, слушавших внутри дело. Они имели в виду одно только: чтобы произвести строгое расследование преступления. Наконец, наложив на виновных оковы и заключив их в железо, отсылали в темницу чрез площадь, и это людей, которые, держа коней, управляли общественными играми, считали за собою тысячи других важнейших должностей. Затем налагали запрещение на их имения, и на дверях всех их виднелись печати».

Жители, потрясённые тем, что уже совершалось и подавленные ужасом при мысли, что ещё будет, даже те, кто ни разу доселе не переступал церковного порога, теснились теперь в старей церкви и возносили молитвы и мольбы. Церковь получила это название оттого, что она стояла в более древней части города вблизи реки Оронт и имела второе название «апостольская», поскольку её основали апостолы Пётр и Павел. Градоначальник, получив известие о волнении народа и о том, что все помышляют о бегстве, пришёл в церковь и утешил народ. Через неделю после бунта антиохийский епископ Флавиан, несмотря на свои недуги и тяжёлую сестру, отправился в Константинополь, чтобы попытаться умиловить императора. Перед отъездом он распорядился несмотря ни на что читать предусмотренные к Великому посту проповеди, что и стал делать пресвитер Иоанн Златоуст. Так возникли проповеди, получившие название «О статуях», поскольку они читались после бунта и отражали его события. Эти беседы принесли Иоанну славу как в Антиохии, так и далеко за её пределы. Первая из них (всего была произнесена двадцать одна проповедь) была сказана ещё в начале беспорядков. Во время этих событий влияние Иоанна на народ сказалось во всей силе. День за днём его можно было видеть в церкви прилагавшим все усилия к тому, чтобы успокоить объятых унынием жителей и убедить их не покидать город от страха наказания, ободряя объятую смертельным страхом паству, и в то же время призывая её к покаянию. Для многих людей его слова были единственным лучом надежды и утешения.

Ещё до прибытия епископа Флавиана в Константинополь императором Феодосием были отправлены в Антиохию уполномоченные для объявления указа. Посланные по дороге встретились с епископом, который пришёл в ужас, узнав, что ожидает город. Жителям Антиохии было объявлено, что их город лишается всех привилегий, что их бани, где они предавались неге, их театры, в которых они наслаждались, и все места общественных увеселений, составлявшие их гордость, всё это теперь прекращало свое существование. Бани, цирк и театры должны быть закрыты, и, чтобы лишить жителей Антиохии не только развлечений, но и достатка, Феодосий строго приказал ограничить раздачу хлеба.

Иоанн успокаивал сограждан, призвал отнестись к наказанию философски и усмотреть в них даже некоторую пользу («О Статуях. Беседа семнадцатая»):

«Но прискорбны распоряжения, последовавшие от царя? Нет, и они не тягостны, напротив, принесли много пользы. Что тягостного, скажи мне, в этих распоряжениях? Ужели то, что император закрыл театр, что сделал недоступным конское ристалище, что заключил и заградил источники нечестия? О, если бы они и никогда не открывались! Из них-то выросли в городе корни нечестия, из них выходят люди, подвергающие нареканию его нравы, продающие свои голоса пляшущим, и отдающие им за три овола (мелкая монета) собственное спасение, приводящие все в крайний беспорядок. Об этом ли скорбишь, возлюбленный? Но об этом надобно радоваться и веселиться, и изъявлять благодарность царю, что его наказание было исправлением, истязание - наставлением, гнев - научением. Ты скорбишь о том, что у нас закрыты бани? Но это не невыносимо, и невольно ведет к мудрости тех, которые живут в неге, роскоши и распутстве. Или - о том, что император отнял у города его преимущество, и не позволил ему впредь называться главным городом? Но что же надлежало сделать? Похвалить за сделанное преступление и изъявить благодарность? А кто бы не обвинил его, если бы он не показал даже и вида негодования? Не видишь ли, что много такого делают и отцы с своими сыновьями? Они отворачиваются от них и не допускают их к столу. Это сделал и государь, наложив на город такие наказания, которые не причиняют никакого вреда, а приносят много исправления. Подумай, чего мы ожидали, и что последовало, и тогда-то особенно узнаешь милость Божию».

Прибыв в город, уполномоченные императора приступили к расследованию виновности отдельных лиц, как тех, кто разрушал священные статуи, так и тех, кто этому не препятство-

вал. Самые знатные и самые богатые антиохийские граждане приводились к ним закованными в цепи. Ведение следствия сопровождалось пытками, и приговоры постановлялись по личному усмотрению этих судей. Дома преступников были назначены для публичной продажи, их жены и дети внезапно перешли от избытка и роскоши к самой крайней нищете, и все ожидали, что кровавые казни завершат эти ужасы.

Но гнев Феодосия в конце-концов стих. Иоанн в деталях описывал облегчённо вздохнувшим горожанам в битком набитой старой церкви подробности встречи их заступника Флавиана с императором Феодосием («О статуях. Беседа двадцать первая»): «И вот император, увидев его (епископа) плачущим и поникшим долу, сам подошёл к нему, и что чувствовал он из-за слёз святителя, то выразил словами, обращенными к нему. Это были слова не гневающегося и негодующего, но скорее скорбящего и объятого тяжкою печалью. И что это правда, узнаете, как услышите самые слова. Не сказал император: «Что это значит? Идешь ты ходатайствовать за людей негодных и непотребных, которым бы и жить не следовало, за непокорных, за возмутителей, достойных всякой казни?» Нет, оставив все эти слова, он сложил в свою защиту речь, исполненную скромности и важности, исчислил свои благодеяния, какие только оказывал нашему городу за все время своего царствования, и при каждом говорил: «Это ли мне надлежало потерпеть за те благодеяния? За какие несправедливости сделали они мне эту обиду? В чём, малом или великом, могут они винить меня, что нанесли оскорбление не только мне, но и умершим? Не довольно было остановить ярость на живых, нет, они подумали, что не сделают ещё достаточной дерзости, если не оскорбят и погребённых. Обидели мы, как они думают, так всё-таки надлежало пощадить мёртвых, не сделавших никакой обиды, их-то уже не могли они винить в этом. Не всегда ли предпочитал я этот город всем, и не считал ли его любезнее родного города?» Услышав эти слова от императора, Флавиан с горечью признал, что любовь императора к Антиохии была действительно велика «и поэтому-то особенно плачем, что демоны позавидовали столь любимому городу, и мы оказались неблагодарными перед благодетелем и прогневали сильно любящего нас...Если бы варвары, напав на город наш, разрушили стены, зажгли дома, и взяв пленников, ушли с ними - несчастье было бы меньше». Далее Иоанн рассказывает о доводах, которые предлагались императору, дабы он мог бы простить жителей Антиохии: «Поэтому, если антиохийцы совершили, по-видимому, нетерпимые преступления, то они и пострадали более всех. Не смеют ни на одного человека взглянуть, не могут свободно смотреть глазами и на солнце, потому что стыд со всех сторон сжимает ресницы и заставляет закрываться. Лишившись таким образом душевной свободы, они теперь несчастнее всех пленников, терпят крайнее бесславие, и, помышляя о великости зол и о том, до какой дошли они дерзости, не могут и вздохнуть, потому что всех населяющих вселенную людей поставили против себя обвинителями, более строгими, нежели сам оскорблённый». События же в городе объясняются происками демонов (другими словами — дьявола): «Демоны подвигли теперь всё, чтобы лишить твоего благоволения город, более всех любезный тебе. Зная это, накажи нас, как хочешь, только не лишай прежней любви. Но сказать ли нечто и удивительное? Если хочешь наказать устроивших это демонов, покажи к нам ещё большее благоволение и впиши опять город наш в число первых, любимых тобою городов. Если разрушишь его, распашешь и уничтожишь, так сделаешь лишь то, чего они издавна хотели, но если оставишь гнев и снова объявишь, что любишь его, как любил прежде, то нанесешь им смертельную рану и крайнему подвергнешь наказанию, показав, что не только не было им успеха в замысле, но ещё случилось совершенно противное тому, чего они хотели». То есть бунт - дело дьявола, и если город наказать, значит сплясать под его дудку, а простить город — это рассеять его коварный замысел. Далее речь идёт об обиде императора за разрушение статуй его и членов его семьи: «Низвергнули твои статуи? Но тебе можно воздвигнуть ещё более блистательные. Если простишь вину оскорбившим и не подвергнешь их никакому наказанию, они воздвигнут тебе не медный, не золотой и не каменный столб на площади, но такой, который дороже всякого вещества - украшенный человеколюбием и милосердием. Так, каждый из них поставит тебя в сердце своем, и у тебя будет столько статуй, сколько есть и будет людей во вселенной. Не только мы, но и наши потомки, и потомки их,

все услышат об этом, и подивятся и полюбят тебя, как будто сами они получили благодеяние». Приводился и пример императора Константина, который не придавал большого значения повреждению своих изображений: «О блаженном Константине рассказывают, что, когда однажды его изображение избито было камнями, и многие возбуждали его предать виновных суду и казни, говоря, что бросавшие камни изранили все лицо его, он, ощупав рукою лицо и кротко улыбнувшись, сказал: «Не вижу на лице никакой раны, напротив цела голова, цело и все лицо». И люди эти, со стыдом и срамом, оставили такой недобрый совет. Слова эти доселе воспеваются всеми, и столь продолжительное время не ослабило и не истребило памяти об этом любомудрии. Скольких же победных памятников будет это блистательнее! Много воздвиг он великих городов, много победил и варваров - и ничего этого не помним, а слова эти до сего дня воспеваются: их услышат все - и наши потомки, и потомки их».

В итоге и городу и гражданам Антиохии было даровано полное прощение. Двери тюрем растворились, сенаторы, трепетавшие за свою жизнь, снова вступили в обладание своими домами и поместьями, и столица Востока снова стала наслаждаться прежним величием и блеском. Антиохии повезло: в 390 году при подавлении беспорядков в Фессалониках за один день было убито более 7000 человек.

Город изменился: богатые и бедные, великие и малые – все благословляли милосердие Божие, спасшее их от гибели. Беспорядки прекратились, христиане сделались более благочестивыми. Но это было только временно, а затем всё пошло прежним порядком, были и потом ещё бунты.

Философия жизни Иоанна Златоуста.

Христианская община на первых порах пополнялась, главным образом, из низших классов общества, отсюда вытекало обычное заключение, что христианство несовместимо с чувствами и настроениями высших образованных классов. Иногда утверждают, что первоначальное христианство было религией бедных и рабов. Окружение императора Юлиана Отступника смеялось над христианами и с презрением говорило: «Нам, язычникам, принадлежит наука, а вам невежество и варварство». Сам Юлиан писал в своем сочинении «Против христиан»: «Вы, конечно, понимаете разницу между вашим и нашим образованием. В вашей школе вы никогда не сделаете человека ни мужественным, ни добродетельным. Между тем, при нашей системе всякий становится лучшим. Посмотрите на ваших детей, которые воспитываются на чтении ваших священных книг. Если в зрелом возрасте они не будут рабами, сочтите меня лгуном и маньяком». Однако интеллектуальный уровень новой религии был явно недооценен. Христианские доктрины разрабатывались исключительно людьми образованными и достаточно состоятельными. Половину Нового Завета составляют послания апостола Павла, получившего иудаистское и греческое образование. Он был римским гражданином, что ставило его в привилегированное общественное положение. Именно он сформировал основу христианского мировоззрения, начиная с идеи распространения учения Иисуса среди язычников, что, в итоге, сделало христианство мировой религией.

Проповедь для большинства людей означает что-то скучное. Есть такой анекдот. После смерти перед Всевышним предстали два человека: водитель автобуса с Кавказа и священник. Бог отправил водителя в рай, а священника в ад. Тот взмолился — за что! Бог объяснил: «Пассажиры автобуса вместо того, чтобы спать — молились, а на твоих проповедях прихожане вместо того, чтобы молиться — спали». На проповедях разъясняют Священное Писание. Верующего это может быть и заинтересует, хотя в нынешние времена крещённый народ большей частью Библию не читает, ну, соответственно, и вопросов не возникает. А для чего вообще-то говоря, нужно разбираться в библейских вопросах? Чтобы жить согласно учению Иисуса. Но с этим-то у большинства христиан проблем нет. Они же помнят про десять заповедей: не убий, не укради, не прелюбодействуй и что-то там ещё. Никого не убил, ничего не украл — то есть живу по заповедям, по учению, можно спать спокойно.

Это, конечно, более, чем упрощённый взгляд, но он вполне объясним. Разобраться в учении Иисуса не просто, и это требует определённой умственной работы, а такая работа не всех привлекает. Но есть и другая сторона. Жизнь настоящего христианина согласно Евангелию должна быть достаточно сдержанной и аскетичной, а простой обыватель и обывательница любят и выпить, и закусить, и поругаться, и посплетничать, и обмануть и вообще предаться разным многочисленным грехам. И зачем им вникать в слова Иисуса и понимать с тоской, что грешат на каждом шагу. Поэтому всю праведность жизни сводят к десяти заповедям, которые и исполнять в общем-то несложно. В беседе «О Лазаре» Иоанн Златоуст описывается взгляды таких людей: «Я привязан к судилищу, занимаюсь делами общественными, упражняюсь в ремесле, имею жену, воспитываю детей, управляю домом, я человек мирской. Не моё дело читать Писания, а тех, которые отказались от мира, поселились на вершинах гор и ведут такую жизнь постоянно».

Проповеди могут быть разными, всё зависит от проповедника. В старые времена проповеди были единственным способом регулярного выступления перед трудящимися и эксплуататорскими массами. Если вам было, что сказать, вот вам и трибуна. Иоанн Златоуст в этом смысле был человеком выдающимся. Слушать его было интересно не только из-за ярких и остроумных оборотов речи. Растворив Священное Писание, он одновременно давал ответы на вопросы прихожан как жить правильно, ссылаясь при этом на примеры из Библии о жизни достойных людей, что было естественно для христианского проповедника. Но он, так-

же, приводил примеры и из греческой литературы и истории, что было естественно для человека, получившего эллинское образование и жившего вместе со своими слушателями в эллинском мире. Кроме того, он использовал ещё и события из повседневной жизни и анализировал их. Его выводы были не догмами, а руководством к действию. В беседе «О Лазаре» Иоанн говорил: «Наш долг не убедить слушателей, но только посоветовать. Наше дело предложить увещание, а убедиться - их дело».

Если Отцы Церкви обсуждают не чисто церковные вопросы, а говорят об общечеловеческих проблемах, то к ним стоит прислушиваться не только верующим, но и атеистам, поскольку эти люди были личностями незаурядными. Они обучались, как правило, у лучших профессоров. Обучение было платным и стоило дорого, поэтому образование, особенно качественное, получали лишь выходцы из обеспеченных семей и, в основном, с целью сделать хорошую карьеру. Значительная часть Отцов Церкви была происходила из тех слоёв общества, которые можно отнести к элите Римской империи. Это полностью относится и к Иоанну Златоусту. Но с ним связано ещё одно житейское обстоятельство, характерное для многих выдающихся мыслителей. Закончив обучение, он начал делать успешную карьеру адвоката. Естественно, погрузившись в бурную светскую жизнь. Но этот поток, уносивший многих молодых людей, не захватил Иоанна. Постепенно он стал понимать, что ценности такой жизни — это всё суета и затеи ветреные. Учение Иисуса привлекло его и показалось наполненным смыслом. После весёлой и беспутной светской жизни Иоанн перешёл к другой крайности — строгому аскетизму монастырской жизни в пустыне. Но организм не выдержал жестокого воздержания, и Иоанн вынужден был вернуться в шумную Антиохию и выбрать некий срединный образ жизни с небольшими потребностями. Мы можем в истории припомнить ещё похожий случай. Примерно за пятьсот лет до нашей эры в Индии жил принц Сиддхартха. Он разочаровался в роскошном и беззаботном существовании в великолепных дворцах и стал отшельником, чтобы понять, почему жизнь такая, какая есть - полная страданий. Его аскетизм настолько ослабил организм, что однажды Сиддхартха упал в реку и не нашёл силы, чтобы выбраться на берег. Его спасла проходившая мимо женщина. Тогда отшельник понял, что следует избегать крайностей и придерживаться срединного пути. Вернувшись к людям, он стал проповедовать свои взгляды на устройство жизни. Его учение впоследствии стали называть буддизмом.

Иоанн Златоуст занимает в Православной Церкви особое место, являясь одним из высших авторитетов. Записи его выступлений и его письма являются подлинной классикой. Хотя он был проповедником христианства, но говорил не только о том, как молится Богу и что делать в церкви, а в большей степени о повседневной жизни, о том, что такое хорошо и что такое плохо. Читая его труды через тысячу шестьсот лет после его смерти, вы понимаете, что беседовал он с прихожанами об истинах вечных, о проблемах, которые и сейчас стоят перед людьми, что верующими, что атеистами.

Интересно ещё вот, что. Когда перелистываешь страницы книг с выступлениями Иоанна Златоуста, возникает ощущение, что это запись проповеди, произнесённой не так уж и давно в какой-нибудь окрестной церкви. А ведь мы говорим о человеке, жившем в IV веке в Римской империи за тысячи километров от нас в стране, которая сейчас называется Турция. Как-то уж всё по-русски, по-православному звучит у Иоанна Златоуста. Возможно, это объясняется следующим. Система взглядов Православной Церкви во многом формировалась Иоанном Златоустом наряду с другими замечательными людьми, живших в одной эпохе с ним: Василием Великим, Григорием Богословом, Ефремом Сирийскими и рядом других. Попав на русскую почву эти взгляды стали основными для Русской Церкви, которая век за веком передавала их и русскому народу, который не только стал христианским и православным, но и впитал в своё сознание моральные ценности, которые проповедовали эти выдающиеся мыслители. Поэтому будь то верующий человек, или атеист, но все они в той или иной степени живут согласно нравственным нормам, которые в значительной мере благодаря Иоанну Златоусту вошли в нашу жизнь.

Об Иоанне Златоусте можно говорить, как об истинном эллине. Он родился и жил в греческом городе, получил блестящее и широкое образование, учился у знаменитого Либания. Иногда даже пишут, что он учился в Афинах, но это не соответствует действительности. В категориях античного мира Иоанна Златоуста можно определить как оратора или ритора. Античный ритор - это учитель, моралист, проповедник. Таким учителем был и Иоанн Златоуст. Но в его беседах было то, что в девятнадцатом веке стали называть «философией житейской мудрости».

Чтобы убедиться в современности мыслей Вселенского Учителя, почитаем отрывок из его рядовой, казалось бы, проповеди, сокращённо называемой «Слово на Новый год» и произнесённой 1 января 387 года. Посвящена она как раз празднованию Нового года, который и в те далёкие времена отмечался столь же шумно, как и сейчас. Празднества он описывает хотя и красочно, но весьма скептически:

«Происходящие сегодня дьявольские всенощные гулянья, шутки, бранные крики, ночные пляски и смешные забавы хуже всякого неприятеля пленили наш город. Он веселится, красуется и увенчивается. Площадь, как любящая наряды и роскошная женщина, сегодня заботливо украшается, облекаясь в золотые и драгоценные одежды, обувь и прочее тому подобное. Всякий мастеровой, выставляя на показ свои работы, старается перецеголять своего товарища».

Прямо-таки, как в наши дни. Всё это, по мнению Иоанна, ненужная суета, хотя и безвредная: «такое соревнование, хотя показывает ребяческий ум и душу неспособную к великим и возвышенным помыслам, но не слишком большой влечет за собою вред: есть только какое-то безрассудное рвение». Но ведь такие празднества сопровождаются пьянством, что достойно всякого порицания: «Более всего прискорбны состязания, которые происходят сегодня в гостиницах и преисполнены распутства и великого нечестия: нечестия потому, что занимающиеся ими замечают дни, гадают и думают, что если первый день этого месяца они проведут в удовольствии и веселье, то и во весь год будет то же, а распутства потому, что на самом рассвете и женщины и мужчины, наполнив стаканы и чаши вином, напиваются с великою неумеренностью».

Здесь Иоанн отмечает глупое убеждение, что если хорошо погулять в первый день года, то и весь год будет радостным. Совершенно неразумно по одному счастливому дню ожидать того же на весь год. А в чём же счастье по мысли Златоуста? Счастлив будет год не тогда, «как ты будешь пьянствовать в первый день, но если и в первый и в каждый день будешь делать угодное Богу. День бывает худ или хорош не по своей природе - потому что день ото дня ничем не разнится, но по нашему усердию или беспечности. Если ты сделал добро, то день для тебя хорош, а если ты согрешил, то - худ и неразлучен с наказанием». А что же такое счастье по мнению Иоанна?

«Ничто обыкновенно так не ведёт к спокойствию и радости, как правила мудрости: презирать настоящее, стремиться к будущему, не считать ничего человеческого постоянным - ни богатства, ни власти, ни почестей, ни покровительства. Если ты научился так думать, то не будет терзать тебя зависть, когда увидишь богатого, и когда впадешь в бедность, не унизишься от бедности, и таким образом, будешь в состоянии постоянно праздновать. Христианину свойственно праздновать не в известные месяцы, не в первый день месяца, не в воскресные дни, но всю жизнь проводить в приличном ему праздновании».

Эти мудрые слова касаются не только христианина, но и человека любой веры и атеиста. Здесь заключён простой секрет радостной жизни. Если у человека совесть чиста, то он имеет постоянный праздник, питаясь добрыми надеждами и утешаясь ожиданием будущих благ, если же он не спокоен в душе и виновен во многих грехах, то и при тысячах праздников и торжеств будет чувствовать себя не лучше плачущих.

А что значит: нужно угождать Богу? Человек неверующий, если и прочтёт эти слова, то, образно выражаясь, пропустит их мимо ушей. Зачем ему стараться для Бога, которого, как он считает, вообще нет. Но и христианин, скорее всего, сделает то же самое. В Бога-то он верит, но каждый день, да что там, даже раз в неделю угождать Ему слишком утомительно. Как же должен жить правоверный христианин по мысли Иоанна, что такое делать добро и делать угодное Богу?

Это можно делать и живя обычной жизнью, не обязательно целый день молится. Например, даже выходя из дома, человек угождает Богу, если направляется в церковь. Или, напротив, «когда ты слышишь, что шум, бесчинства, дьявольские торжества, порочные и распутные люди наполнили площадь, останься дома, удались от этого шума, и ты останешься дома во славу Божию». Во славу Божию можно хвалить и порицать, если хвалить достойные поступки и порицать дурные. «Еще нужно ли приобрести друзей? Приобретай для Бога. Нужно ли приобрести врагов? Приобретай для Бога. Но как можно приобретать друзей и врагов для Бога? Если будем искать дружбы не с тем, чтобы достать денег, участвовать в трапезе, найти покровительство человеческое, но будем искать и делать своими друзьями таких людей, которые могут всегда вразумлять нашу душу, давать надлежащие советы, укорять за грехи, обличать за проступки, восстанавливать после падения и при помощи советов и молитв приводить нас к Богу. Также можно и врагов приобретать для Бога. Если ты видишь человека распутного, негодного, порочного, заражённого нечистыми мнениями, угрожающего причинить тебе падение и вред, то отойди, отбеги от него. Если находишься в обществе и ведешь длинную речь, делай и это для Бога, и если молчишь, молчи для Бога. А как можно быть в обществе для Бога? Если ты, сидя там, будешь разговаривать не о житейских делах, не о пустых, тщетных и нисколько не относящихся к нам, но о нашей мудрости, а не о чём-нибудь излишнем и бесполезном, например: кто достиг власти, кто лишен власти, за что такой-то наказан, от чего такой-то получил прибыль и разбогател, что такой-то по смерти оставил такому-то, почему лишён наследства такой-то, думавший быть в числе первых наследников? - и прочем тому подобном. Также можно и молчать для Бога тогда, когда тебя обижают, поносят, и причиняют тебе тысячи огорчений, а ты переносишь все великодушно и ни одним словом не злословишь того, кто так с тобою поступает. Не только можно хвалить и укорять, оставаться дома и выходить, говорить и молчать, но и плакать и печалиться, и радоваться и веселиться можно во славу Божию. Если видя, что другой благоденствует, не позавидуешь ему, но за это, как бы за собственное благо возблаговаришь Бога, сделавшего брата твоего столь славным, то за эту радость ты получишь великую награду».

Словом, и самая обыкновенная жизнь может быть богоугодным делом. Каждый день может быть праздником, если делаешь хотя бы мелкие, но добрые дела, или, напротив, не делаешь ничего дурного. Жизнь тогда станет радостной и, может быть, даже счастливой. Причём, для любого человека: что верующего, что атеиста. Ведь в этом случае и окружающие люди будут относиться к тебе хорошо, а одно это уже улучшит жизнь любого человека.

В этой же беседе Иоанн скептически отзывается о распространённом понимании счастливого человека:

«Спроси: почему ты считаешь его счастливым? Потому ли, что у него чудный конь с позлащенной уздой, что у него много слуг, что он одет в светлую одежду, и безмерно упивается и роскошествует каждый день? Но поэтому он несчастен и жалок и достоин обильных слез. Я вижу, что в нем самом вы не можете ничего похвалить, а хвалите всё вне его: коня, узду, одежду, а всё это - не он. Что же, скажи мне, может быть горестнее того, когда конь его, узда коня, красота одежды и телесное благообразие слуг возбуждают удивление, а в нём самом не находится ничего похвального?».

Если заменить «чудный конь с позлащенной уздой» на «Мерседес последней модели», а «одет в светлую одежду» на «одет в костюм от Армани», получим картинку современной жизни. Это ведь так распространено, что мы хвалим вещи, которые принадлежат человеку, не замечая его личных достоинств, которых, может быть, и нет вовсе.

Человеку должно и возможно жить в спокойствии и радости. И хотя вокруг много проблем, не они, а мы зачастую сами делаем их поводом для уныния. В беседе «О судьбе и проведении» Иоанн описывает противоречивость человеческой психики, которая всегда и всем недовольна:

«Настоящая жизнь наша изобилует многочисленными тревогами и преисполнена беспокойств. Не это, однако, тягостно, возлюбленные, а то, что, будучи в состоянии сделать эти беспокойства и тревоги более слабыми или без боли переносить их, мы не заботимся ни о том, ни о другом, но всё

время проводим в унынии: один скорбит о бедности, другой о болезни, иной о множестве забот и надзоре за домом, иной о воспитании детей, иной о бесплодии. И обрати внимание на переизбыток безумия, потому что почти все сетуем по поводу не одних и тех же обстоятельств, а противоположных, хотя, если бы природа обстоятельств была причиной наших сетований, то нам не следовало бы одинаково скорбеть по поводу противоположных вещей. Если бедность – зло и притом невыносимое, то никогда не должно было бы стенать тому, кто живет в богатстве. И если бесплодие – зло, то наслаждающемуся многочадием человеку надлежало бы веселиться. Опять же, если бы возжеленно было управлять общественными делами, также наслаждаться почестями и иметь много подчиненных, то надлежало бы избегать жизни свободной от занятий и спокойной, и все люди должны были бы её ненавидеть. Теперь же, когда ты видишь, что одинаково скорбят богатые и бедные, а часто пребывающий в богатстве со своей стороны делает это в большей степени, чем бедный, скорбят: наслаждающийся властью и подчинённый, отец многих детей и не имеющий совершенно ни одного, то мы считаем виной такого противоречия не обстоятельства, а тех, кто не может воспользоваться ими, как должно, и удалить от себя всякое уныние. Сколь многие спокойно переносят бедность и не перестают воздавать за это благодарность Богу? Сколь многие, живя в богатстве и роскоши, не благодарят, но злословят Владыку? Сколь многие, не потерпевшие ничего ужасного, обвиняют всеобщий Промысл? Сколь многие, всё время прожившие в темнице, переносят тамошнее страдание с большим благоразумием, чем своё положение те, которые прожили в свободе и безопасности? Видишь, что душевное состояние и наш собственный ум служат причиной и этого и того, а не сама природа обстоятельств. Поэтому, если бы мы заботились о нашем духе, то не было бы беспокойства, не было бы ничего ужасного, хотя бы обстоятельства нашей жизни колебались сильнее всякого морского волнения».

В «Беседе о Лазаре. Слово второе» Иоанн Златоуст говорит о том, что важен не только сам добродетельный поступок, но и само желание сделать его: «Если мы, даже и не стяжав добродетели, однако хвалим добродетель, то конечно можем и стяжать её. И если не избегаем порока, однако порицаем порок, то конечно можем и избегнуть его». Тому, что происходит в нашей голове, в нашем уме Иоанн придаёт решающее значение. В той же беседе он объясняет, что в действительности есть бедность и богатство:

«Богат не тот, кто имеет многое, но тот, кто не нуждается во многом. И беден не тот, кто ничего не имеет, но тот, кто желает многого. Это должно считать мерою бедности и богатства».

Иоанн постоянно убеждал своих слушателей, что проблемы находятся не в окружающем мире, а в нас самих, в том, как мы этот мир воспринимаем («О Статуях. Беседа пятнадцатая»):

«Мы осуждаем вовсе не вещи, а себя и свою беспечность, и не говорим: пусть не будут женщины, но: пусть не будет блудодетей. Не говорим: пусть не будет красота, но: пусть не будут прелюбодеяния. Не говорим: не будь чрева, но: да не будет пресыщения. Потому что не чрево рождает пресыщение, а наша беспечность. Не говорим, будто всё зло от того, что едим и пьём. Не от этого оно, а от нашей беспечности и жадности. Дьявол не ел и не пил - и пал, а Павел ел и пил - и взошёл на небо».

В беседе «О Лазаре» мы видим яркий пример логики, характерной для человека, получившего эллинское образование. Речь идёт о том, что одни люди наказываются за грехи в земной жизни, а другие — в загробной. Вопрос в следующем. Почему одни наказываются здесь, другие там, а не все здесь? Потому, объясняет Иоанн, что если бы все наказывались здесь, то все бы и погибли, поскольку никто не без греха. С другой стороны, если бы никто не наказывался здесь, очень многие сделались бы ещё небрежнее: ибо, если и теперь так многие грешат, хотя и видят, что многие из порочных наказываются, то до какого зла не дошли бы тогда? Поэтому Бог одних здесь наказывает, а других не наказывает. Наказывает некоторых, отсекая их грехи в этой жизни и облегчая для них тамошнее наказание. А других напротив не наказывает, чтобы они, если будут внимательны к самим себе, покаявшись и устыдившись долготерпения Божия, избавились и от здешнего наказания и от тамошнего мучения. Если же кто станет говорить, что наказываемые терпят несправедливость (потому что они могли бы покаяться), то мы скажем, что, если бы Бог предвидел их раскаяние, то и не наказал бы их. Если Он терпит тех, о которых знает, что они останутся неисправимыми, то

тем более тех, о которых бы знал, что они употребят во благо Его долготерпение, пощадил бы в настоящей жизни, чтобы они отсрочкою времени воспользовались для покаяния. Между тем, поражая их ранее, Он и для них облегчает тамошнее наказание, и других вразумляет их наказаниями. А для чего Он это делает не со всеми грешниками? Для того, чтобы остающиеся в живых вразумились страхом и наказаниями других и оставили нечестие. Но они, скажешь, ничего такого не делают? В этом уже виновен не Бог, а беспечность тех, которые не захотели воспользоваться такими пособиями к своему спасению. Тогда получается, что другой наказывается для того, чтобы я сделался лучше? Не для этого он наказывается, а за свой грех, но кроме того для внимательных он становится средством ко спасению, страхом случившегося с ним делая их более исправными. Итак, когда увидишь, что некоторые или погибли при кораблекрушении, или задавлены зданием, или истреблены пожаром, или потонули в реке, или другим каким-нибудь насильственным образом окончили жизнь, между тем как другие, грешившие подобно им или ещё хуже, ничего такого не потерпели, не смущайся и не говори: почему согрешившие одинаково не пострадали одинаково? Но рассуждай так, что Бог одному попустил быть убитым и задавленным, чтобы облегчить ему тамошнее наказание, а то и вовсе освободить от него, а другому не попустил потерпеть ничего такого, чтобы он, вразумившись наказанием первого, сделался благонравнее. Если же он будет оставаться в тех же грехах, то, по собственной своей беспечности, навлечет на себя неизменное наказание, и Бог не будет виною этого невыносимого мучения. Опять, если увидишь, что праведник скорбит или терпит все вышесказанное, не падай духом: эти бедствия служат ему к получению светлейших венцов. И вообще всякое наказание, если оно постигает грешников, облегчает тяжесть грехов, а если праведников, то делает душу их более светлую. И для тех и других бывает величайшая польза от скорби, только бы мы переносили её с благодарностью, ибо это и требуется от нас.

Таким образом, если человек совершает в земной жизни много грехов, но не претерпевает никакого особенного наказания и доволен жизнью, то на том свете получит всё сполна, то есть у него прямая дорога в геенну. Если же у праведника жизнь тяжёлая, это означает, что он наказывается за какие-то совершённые им грехи и в будущей жизни наказания уже не будет и он попадёт в рай. Вопрос только в том, в какой: этой или потусторонней жизни будет наказание за грехи.

Далее идут рассуждения на тему существования геенны, то есть наказания в загробном мире. Действительно, ведь оттуда никто не возвращался, как мы можем быть уверены в существовании ада? Здесь рассуждения следующие. Во-первых, мы видим много грешников, которые живут припеваючи до самой смерти, не претерпевая никакого наказания. Во-вторых, Бог справедлив. Следовательно, наказание будет обязательно, но в другом, недоступном для нас мире. То есть геенна существует не для наказания, а для справедливости:

«Не видишь ли, сколь многие из живших добродетельно претерпели многочисленные бедствия и отошли, не получив ничего доброго. А другие, напротив, жили весьма нечестиво, хищили чужое имущество, грабили и притесняли вдов и сирот, наслаждались богатством, роскошью и бесчисленными благами, и отошли, не потерпев ни малейшего бедствия? Когда же первые получают награду за добродетель, а последние понесут наказание за нечестие, если дела наши оканчиваются с здешнею жизнью? Если Бог существует, как и действительно существует, то всякий скажет, что Он праведен. Если же Он праведен, то несомненно и то, что и тем и другим Он воздаст по достоинству. Если же Бог имеет воздать тем и другим по достоинству, а здесь никто из них не получил, тот - наказания за грехи, а этот - награды за добродетель, то, очевидно, будет ещё время, когда и тот и другой получат должное воздаяние».

Таким образом, ад или геенна - это просто обозначение того, что после физической смерти душа или сама по себе, или находящаяся в воскресшем теле, претерпит какие-то мучения. Как они будут выглядеть — неизвестно. В Писании детали не приводятся, а кипящее масло, котлы и сковородки — это люди сами придумали для наглядности. Иоанн Златоуст считает, что в том, что никто не может рассказать нам о рае и аде проявляется строгий Божий запрет. Если бы это было возможно, то этим мог бы воспользоваться дьявол, чтобы дать людям свою версию потусторонней жизни. Главное назначение существования ада и адских мук —

вызвать страх от совершения грехов и улучшить поведение человека. Бог, воспитывая человека, использует кнут — ад, и пряник — рай.

«Бог, будучи бесстрастен, благоденствует ли, наказывает ли - одинаково благ: и угроза геенною доказывает Его благость не меньше, чем и обещание царствия. Как это? Объясню. Если бы Он не грозил геенною, если бы не приготовил наказания, многие не получили бы царствия. Многих не столько обещание благ склоняет к добродетели, сколько угроза несчастьем, внушая страх, заставляет и побуждает заботиться о душе. Таким образом, хотя геенна и противоположна царствию небесному, но то и другое ведет к одному концу - спасению человеческого: это (царствие) привлекает к себе, а та (геенна) понуждает идти к нему же и страхом исправляет нерадивых».

Иоанн придаёт большое значение страху как важному средству, удерживающему человека от неблагих поступков. Но это вовсе не значит, что христианская нравственность построена исключительно на страхе наказания. И без всякой религии страх есть неотъемлемая часть человеческой психики, важное средство обеспечения безопасности человека. Боязнь грозы заставляет нас искать убежища и тем самым избежать опасного удара молнии. Страх болезни побуждает нас вести здоровый образ жизни, а опасение сесть в тюрьму удерживает человека от желания что-нибудь украсть. Страх перед адскими муками побуждает человека не совершать тех поступков, которые будучи очевидно дурными зачастую не влекут за собой немедленного наказания. Примером могут служить злость и зависть.

Иоанн высказывает мысль, что лучше не гоняться за удовольствием, а стараться избегать дурного поведения. А для этого нужно почаще вспоминать о геенне, куда может попасть душа, отягощённая грехом. Человек, не желая попасть в это место, будет тщательнее следить за своими поступками, чтобы избежать дурных («Толкование на 2-е Послание Фессалоникийцам. Беседа вторая»): «Не столько будем помнить о царствии, сколько о геенне, потому что страх имеет больше силы над нами, чем обетования И я знаю, что многие пренебрегли бы тысячью благ, если бы только остались свободными от наказаний. Так и для меня теперь довольно только того, чтобы я не подвергся взысканию, чтобы я не был наказан. Будем иметь пред глазами геенну, будем помышлять о неизбежном будущем наказании, чтобы, размышляя об этом, мы и зла избежали и стяжали добродетель».

Часто в нашей жизни, сталкиваясь с негодными поступками других людей, мы возмущаемся, почему Бог их не накажет. Иоанн поясняет, что немедленное наказание было неприятно и для нас самих, поскольку мы сами грешим часто («О дьяволе. Беседа первая»):

«Итак, если и явные грехи так велики и невыносимы, и каждый из них порознь навлекает на нас неизбежное наказание, то, когда мы подумаем ещё о тайных грехах своих, тогда-то особенно признаем Промысел Божий, который не посылает на нас наказания за каждый грех. Посему, когда увидишь, что иной грабит, неправедно обогащается, и за это не наказывается - раскрой и ты свою совесть, рассмотри свою жизнь, исследуй свои грехи, и узнаешь хорошо, что тебе первому не выгодно быть наказываемому за каждый грех. Потому-то многие и кричат нещадно, что не смотрят на свои грехи прежде чужих».

Наказание откладывается, чтобы было время его исправить. Обыденная жизнь постоянно создаёт условия для греховного поведения. Конечно, его желательно избежать, но как это сделать? Прежде всего, нужно быть внимательным к своим мыслям и поступкам и понимать, что иногда безобидные на первый взгляд действия ведут к большим проблемам: «Мы будем совершенно безопасны, если станем избегать не только грехов, но и того, что, хоть и кажется безразличным, однако бывает для нас преткновением ко греху» («О Статуях. Беседа пятнадцатая»).

Далее Иоанн приводит конкретные примеры, чего стоит избегать, чтобы жить спокойно. Надо признать, что многие из его советов выполнять затруднительно, поскольку предполагают отказ от общепринятой манеры поведения. Так, например, смех и шуточные слова кажутся вполне безобидными, но могут иметь неприятные последствия: часто от смеха рождаются скверные слова, а от скверных слов еще более скверные дела: от слов и смеха - ругательство и оскорбление, от ругательства и оскорбления - удары и раны, от ран и ударов - убийства. Если человек желает себе добра, ему следует убегать не только от скверных слов и скверных дел, не только от ударов и убийств, но даже и от необязательного

смеха, даже и от шуточных слов, поскольку они часто бывают корнем последующих неприятностей.

Другой случай — стремление к роскоши. Оно не представляется явным и открытым грехом, но порождает множество разных видов зла: пьянство, неистовство, стяжательство, хищничество. Человек, преданный роскоши и много тратящий, часто вынужден и красть, и похищать чужое, и делать насилия. Поэтому, если избежать роскошества, то пропадёт повод и к любостыжанию (то есть к любви к приобретению), и к хищничеству, и к пьянству, и к тысяче зол. Таким образом, можно заранее отсечь корень греха. Хочешь быть дальше от убийств? Избегай ругательств. Хочешь стать далеко от пьянства? Избегай увеселений и роскошных столов и с корнем вырви этот порок.

Ещё один распространённый человеческий порок — гордость, которая почему-то зачастую выдаётся за достоинство. Иоанн в «Толкование на 2-е Послание к Фессалоникийцам» объясняет, к каким тяжёлым последствиям ведёт этот недостаток: гордость есть начало греха. С неё и начинается всякий грех, и в ней он находит свою опору. От гордости происходит презрение к бедным, страсть к деньгам, властолюбие и славолубие. Гордый человек расположен мстить, он не может равнодушно переносить обиды ни от высших, ни от низших, а кто не переносит спокойно обиды, тот не в состоянии переносить и несчастье. Вот каким образом гордость есть начало греха. Гордость ведёт к надменности. Нет зла равного ей. Она превращает человека в демона, она возбуждает в нем жажду убийства. Человек надменный постоянно сокрушается скорбью, постоянно досадует, постоянно сетует. Ничто не может утолить его страсти. Если бы даже он видел, что сам царь униженно преклоняется и благоговеет пред ним, то и тогда не удовлетворился бы этим, но ещё более воспламенился бы. Подобно тому, как сребролюбцы, чем больше приобретают, тем большего желают, так и гордые: чем большею пользуются честью, тем больше домогаются её. Страсть их постепенно возрастает - а это действительно есть страсть. Страсть же не знает предела, но прекращается только тогда, когда умрёт тот, кто одержим ею.

Однако, говорит Иоанн, хотя страсти и составляют некоторого рода недуг, но их можно вылечить. Если только мы захотим, то можем потушить их. Как же можно потушить гордость? Подумай о людях, владевших великими богатствами, которые совершенно разорились во время войны. Посмотри на дома великих и знаменитых людей, теперь обращенные в развалины. Подумай, как сильны были эти люди, а теперь исчезла и память об них. Каждый день, если захочешь, ты можешь находить подобные примеры: смену правителей, отобрание в казну имущества богатых. Подумай о настоящем, о природе самого человека. Когда увидишь человека мёртвого, которого несут через площадь, его осиротевших детей, провожающих его, плачущую вдову, скорбных друзей, то подумай при этом о ничтожестве всего настоящего, о том, что оно ничем не отличается от тени и сновидения. «Не походит ли судьба наша на колесо?» - задаёт риторический вопрос Иоанн, и как тут не вспомнить о буддийском Колесе жизни.

Философский склад ума появляется в том, что человек видит глубокий смысл там, на что другие не обращают внимание. Вот известная история о деревьях в Эдеме. В основном говорят о Дереве познания добра и зла, после вкушания плодов которого и началась всем известная история с грехопадением. Иоанн подмечает, что значения имеют все деревья («О творении мира»). Было три рода деревьев: были деревья, дававшие Адаму пищу для жизни, были деревья, способствовавшие благополучной его жизни, и было дерево, охранявшее его для жизни вечной. Одни даны были человеку, чтобы он жил, другие — чтобы хорошо жил, третьи — чтобы всегда жил. Дерево жизни находилось среди рая как награда, а дерево познания — как предмет состязания, подвига. Соблюдая заповедь относительно этого дерева, человек мог получить награду. Повсюду в раю цвели всякие деревья, повсюду изобиловали плодами, а в середине стояли два дерева как предмет борьбы и упражнения.

Но дерево, на плоды которого был наложен запрет, имело ещё один глубокий смысл. Даровавший всё Бог был невидим. С другой стороны, получивший всё от Бога человек был видим. Получивший был на виду, Давший не являлся. Человек был только один, около него

были только животные, над ним не было никого. Бог дал закон, дал дерево среди рая в напоминание, чтобы человек, получив господство, не забывал, что сам под властью. Представим, что Адам обходит рай, собирая вместе с женою плоды. Подходит он к дереву и говорит: «Не будем касаться этого дерева, потому что относительно его заповедал Бог». Так видимое дерево было напоминанием о невидимом. Так бывает и теперь. Представим себе, сколько начальников на всей земле. И так как царь не может присутствовать при всех, то по необходимости выставляют в судах, в местах общественных занятий, собраний, в театрах, изображение царя. Царское изображение должно быть во всяком месте, где действует начальник, чтобы его решения получали силу. Царь, как человек, не может присутствовать всюду. Точно также и Бог, не может являться людям как Бог. В качестве царского изображения Он и дал дерево, которое напоминало Адаму, что тот получил власть над всеми и от кого он её получил.

Когда люди молятся на икону, они поклоняются не куску дерева с рисунком. Изображение напоминает им, что Бог везде, потому и говорить с ним можно всегда и в любом месте, хотя, конечно, в церкви это делать легче.

Архиепископ Константинопольский.

Иоанн Златоуст стремился преобразовать и жизнь городов на евангельских началах, ради этого стал он пастырем и проповедником.

Но его стремлениям не суждено было реализоваться в полной мере. В 397 году произошло событие, решающим образом повлиявшее на судьбу знаменитого проповедника из Антиохии. Умер архиепископ Константинопольский Нектарий и на освободившееся место решили пригласить Иоанна Златоуста. Оказавшись в столице он столкнулся с тем, что видел ещё в Антиохии: противоречие между учением Иисуса и укоренившимися общественными привычками. Но здесь в блестящей и роскошной столице эти противоречия проявлялись намного острее.

Ещё в первые века епископы некоторых церквей, преимущественно основанных самими Апостолами, или находившихся в главных областных городах, получили «преимущество чести», сравнительно с епископами церквей меньших городов. Из этого преимущества чести епископов главных городов, естественно, могло развиваться и преимущество власти.

На Первом Вселенском соборе в 325 году было утверждено преимущество власти епископов трёх главных городов империи в следующей последовательности: Рима, Александрии и Антиохии.

Второй Вселенский собор (381 г.) предоставил преимущество чести ещё епископу Константинопольскому, причём непосредственно после Римского, вследствие политического значения Константинополя как столицы императоров (собор проходил как раз в Константинополе). Константинопольский епископ, таким образом, был поставлен выше Александрийского и Антиохийского, хотя соответствующей власти ему ещё не было предоставлено. Римский и Александрийский епископы с таким возвышением новой столицы не согласились и началась междоусобная борьба, которая впоследствии сказалась и на судьбе Иоанна Златоуста.

Иногда высказывается мнение, что основной проблемой нового архиепископа был конфликт с императрицей. Конфликт был, но он не вёл с неизбежностью к такому острому разрешению, как ссылка. Основными противниками у Иоанна Златоуста были священники высшего уровня: епископы и митрополиты.

Строгое следование заветам Иисуса для подавляющего числа людей крайне сложно, в том числе и для священников. История показывает, что действия многих служителей Церкви, в том числе и самого высшего ранга, были весьма далеки от заповедей Господа. Поэтому предстоятель любой Церкви вынужден идти на компромисс со своей христианской совестью, чтобы жить в реальном мире с реальными мирянами и клириками (священниками) со всеми их пороками и грехами, но не допускать совсем уж неприемлемого отхода от того, о чём проповедовал Иисус и апостолы. Известно, что значительное количество высшего духовенства выступило против действий Константинопольского архиепископа по восстановлению норм евангельской жизни. Решение о высылке Иоанна Златоуста принял собор епископов, император лишь утвердил его.

26 февраля 398 году Святитель Иоанн Златоуст в возрасте 51 года против своей воли был назначен архиепископом Константинопольским. Этому желал и сам император Аркадий. Этот молодой человек, унаследовавший от отца восточные провинции, едва достиг к тому времени 18-летнего возраста. Император был небольшого роста, сухощавый и слабо развитый физически. Его упрекали в вялости души и находили в нём слабый характер. Аркадий был чрезвычайно благочестив и много времени уделял Церкви, многократно отправляясь на поклонение мощам святых. Но к несчастью для Иоанна Златоуста была ещё императрица. В своё время один из придворных, евнух Евтропий, нашел невесту и жену для Аркадия в лице Элии Евдоксии, девушки поразительной красоты, дочери полководца римской армии, франка по происхождению. Евдоксия была первой в той длинной череде византийских императриц, чьи имена со временем стали олицетворением роскошной жизни и чувственных удовольствий. Говорили, что она даже бравировала своей распутностью, нося длинную чёлку,

Император Аркадий.
Фото: antoine-helbert.com

- в те времена это являлось фирменным отличием куртизанок. На фоне безвольного и слабого здоровьем Аркадия императрица приобрела значительное влияние. Она имела большую личную власть над императором, искренне и горячо любившего её. В 400 году Евдоксия была провозглашена августой, что до этого случалось крайне редко. Но полнота власти всё-таки оставалась в руках Аркадия, императрица не имела отношения к публичным актам императорского правления, её внешняя роль ограничивалась придворным церемониалом, но она ловко владела рычагами давления на мужа.

Евдоксия была сторонницей никейской веры, определённой на Первом Вселенском Соборе. Сначала она оказывала помощь (в том числе и деньгами) Константинопольской Церкви и покровительствовала Иоанну Златоусту, когда тот стал архиепископом Константинопольским. Пользуясь своим влиянием на императора, Евдоксия сумела осуществить ряд действий, направленных на укрепление христианства в империи (например, убедила мужа закрыть языческий храм в Газе, притом что Аркадий поначалу был против, опасаясь лишиться значительных для казны фискальных сборов).

После периода мирного и дружеского общения Евдоксии со Святителем наступило некоторое отчуждение, вызванное обличительными проповедями Иоанна Златоуста, в которых он высказывался против церемониальных придворных формальностей и этикета, называя их тщеславием. Это породило неприязнь к нему Евдоксии и особенно придворных дам, к мнению которых она прислушивалась. С императрицей Иоанн Златоуст вступил в конфликт и из-за её неумеренной роскоши и жадности. Он защищал от конфискации имущество вдовы и детей одного опального вельможи, а в храме, обличая в проповедях щегольские траты, недвусмысленно показывает глазами на саму императрицу. Архиепископ стал весьма непопулярной фигурой при дворе.

До избрания на Константинопольскую кафедру Иоанн Златоуст не обладал управленческим опытом, не имея в своих руках никакой власти. Возведенный в сан пресвитера, он не был правой рукой своего епископа в административном смысле. Правда, он был любим и уважаем епископом Флавианом, но оставался все время исключительно пастырем и проповедником, руководителем душ и учителем благочестия. В Константинополе он стал строгим епископом и требовал от подчиненного ему клира нравственной чистоты и исполнения церковных правил. Он восставал против пресмыкательства клириков перед богатыми и против их паразитизма. Он убеждал их довольствоваться теми средствами, которые дает им Церковь, и не бегать на пышные обеды богачей. Некоторым клирикам за порочную жизнь было даже запрещено служение. Он старался повлиять на бродячих монахов, которые своим недостойным поведением и попрошайничеством возбуждали презрение к самому монашеству. В Ефесе он низложил шесть тамошних епископов, купивших посвящение за деньги. Но, следует признать, борясь с нарушениями канонической дисциплины, Святитель Иоанн Златоуст иногда допускал излишний ригоризм, в частности, переходя границы своей епархии и наказывая тех епископов, которые не подчинялись ему.

Он был великим аскетом, до него казна церковная в Константинополе была наполовину пуста, а после него – полная, потому, что он не тратился на дорогие обеды, одежды и пиршества. Предшественник Иоанна Златоуста - Нектарий - был совсем другим человеком. Человек, принадлежавший к сенаторскому сословию Нектарий не думал отказываться от образа жизни, к которому привык по своему положению. Он любил пожить и охотно давал жить другим. За это он был любим клиром и обществом.

Иоанн Златоуст был добрым к гонимым еретикам – он их принимал, говорил, что еретиков не нужно гнать – их нужно вразумлять и помогать обрести истинную веру, за это его тоже кое-кто невзлюбил. В чувстве правоты своего дела и незапятнанной чистоты своей личности он был одинок в Константинополе, имел против себя все имущие и властные классы, а на своей стороне лишь любовь народа, бедных и небольшого избранного кружка преданных лиц, родственников ему по духу.

Это было время, когда забылась первоначальная простота христианских общин, особенно здесь, в величайшем и богатейшем городе мира, рядом с блистательным императорским

Святой Иоанн Златоуст и императрица Евдокия
Художник Ж.П. Лоран 1893 г.
Фото: gallerix.ru

Jean-Paul Laurens

двором. Почти никого уже не удивляло, что голодный нищий и пиршествующий богач формально суть братья во Христе, а на деле от одного до другого как от земли до неба. Мало кого смущала далекая от аскезы жизнь иных христианских пастырей. Надо сказать, ситуация в этой церкви царила страшная - всё продавалось и покупалось: епископство, священство, диаконство, дары Святого Духа. Необходимость каждого нового епископа покупать голоса для своего избрания выливалась в обратную необходимость вернуть затраченные средства.

Деятельность Иоанна Златоуста вызывала противодействие и недовольство не только в Константинополе, но и в других областях. Вражда к архиепископу Константинопольскому прорывалась не раз. И столкновение с императрицей было только поводом для взрыва. Враги у Иоанна Златоуста были везде. Прежде всего в среде клира, особенно среди бродячих монахов. Затем при дворе и среди богатых. Нашлись предатели среди епископата, во главе их стоял Феофил Александрийский. Он был архиепископом Александрийским и после смерти Нектария хотел протащить на Константинопольскую кафедру своего ставленника, но не получилось. С моральной точки зрения он был, что говорится, сомнительной личностью. Став архиепископом, Феофил в жёсткой форме требовал покорности от епископов, а непослушных подвергал тюремному заключению или изгнанию. Для поддержания своей власти Феофил создал сеть осведомителей, имел также шпионов при императорском дворе в Константинополе; умело подкупал императорских чиновников. За единовластие в двух сферах одновременно — светской и духовной — Феофил получил отнюдь не почётное звание христианского фараона.

Выстроив таким образом свою власть в Египте и в Ливии, Феофил желал распространить свои полномочия на всю территорию Восточной Римской империи, по аналогии с папой в Риме, чья епархия охватывала всю Западную Римскую империю.

Наконец, выдвинув ряд обвинений, противники архиепископа с санкции императора Аркадия и Евдоксии в 403 году созвали собор, который получили название «Собор под «Дубом» (от имени загородного императорского дворца "Дуб" возле Халкидона, где этот собор происходил), на котором архиепископ был заочно осужден и затем выслан из Константинополя в Вифинию (в этой области расположена и Никея). Однако Иоанн Златоуст пользовался значительной поддержкой народа и в городе прошли массовые акции протеста. А вскоре в Константинополе произошло землетрясение, которое настолько напугало суеверную императрицу, что находившийся в ссылке архиепископ был вызван в столицу и восстановлен в прежней должности. Блаженный Феодорит Кирский так описывает эти события в «Церковной истории»:

«Однако зависть не перенесла блеска его любомудрия, но, воспользовавшись свойственными ей средствами, лишила царствующий город или, лучше, всю вселенную его слова и мысли. Дошедши до этой части повествования, я и сам не знаю, что чувствую, ибо, намереваясь рассказывать о причиненной Иоанну обиде, стыжусь другой доблести обидчиков и потому попытаюсь скрыть имена их. Движимые различными враждебными побуждениями, эти люди не захотели смотреть на молниеносную добродетель мужа. Они нашли каких-то жалких обвинителей и, видя клеветы их явными, составили далеко от города заседание и произнесли приговор. А император, веря им как иереям, приказал Иоанну удалиться из города. Поэтому Иоанн и не слышал обвинений, и не произнесши оправдания, так как бы действительно был обличен в том, в чем обвинили его, нашёлся принужденным оставить город и переселился в лежавший при устье Понта Иерон. Так называют это портовое местечко. Но в ту ночь случилось величайшее землетрясение, и поражённая страхом императрица чуть свет отправила к изгнаннику послов с просьбой, чтобы он, как можно скорее, возвратился в столицу, и сохранил город от опасности. За этими послами отправлены потом другие, а после этих опять другие, так что послы рассеялись по всему Босфору. Когда же узнал о том православный народ, то совершенно покрыл судами устье Пропонтиды, ибо все с зажжёнными восковыми светильниками вышли навстречу епископу».

Иоанн Златоуст вернулся в столицу. Отношения с императрицей наладились. В «Второй беседе по возвращению из первой ссылки» архиепископ так отозвался о Евдоксии:

«Я удалился и в уединении заботился о ваших делах, в одиночестве размышлял о ссылке. Вдруг, в позднее время, в первый же день эта боголюбивейшая [императрица] присылает письмо, в котором заключались такие слова [здесь нужно привести самые слова её]: “Да не подумает твоя святость,

что я знала о случившемся; я неповинна в крови твоей; люди злые и развращенные устроили эти козни; моих же слез свидетель Бог, Которому я священствую”... Вспомнила, вспомнила она и о детях и о крещении. “Я помню, что твоими руками крещены мои дети”. Это писала царица. Между тем священники все по ненависти не знали даже места, где я остановился; а она, – скажу поистине удивительное, – страшась, как бы за своё дитя, везде обходила, не лично, но собственным отрядом воинов, потому что она тоже не знала места, где я находился. Она всюду посылала, беспокоясь, чтобы пастырь не был коварно захвачен и убит, чтобы не потерять добычи. “Об этом только стараюсь я со своей стороны; того только домогаюсь, чтобы они не преодолели”. Враги везде обходили, расставляя сети, чтобы поймать и схватить меня в свои руки. А она умоляла и касалась колен царских, стараясь сделать и мужа своего участником в этой ловитве. Как Авраам убеждал Сарру, так она – мужа. “Мы потеряли священника, но возвратим его; у нас нет надежды удержаться на престоле, если не возвратим его; мне невозможно иметь общение с кем-то из совершивших это”, – говорила она, проливая слезы, умоляя Бога, употребляя все меры. И вы знаете, с какой благосклонностью она приняла нас, как обнимала, как бы собственные члены, и говорила, как вместе с вами и она беспокоилась. Эти слова не сокрылись от вашей признательности, потому что вы имеете в ней мать церкви, питательницу монахов, покровительницу святых, опору бедных. Её хвала становится хвалою Богу, венцом церквей. Говорить ли о пламенной ее любви? Сказать ли о доброжелательстве ко мне? Вчера, в поздний вечер, она прислала ко мне с такими словами: “скажите ему: молитва моя исполнилась; я достигла желаемого; я увенчана лучше, нежели диадемой; я восприняла священника, возвратила главу телу, кормчего кораблю, пастыря пастве, жениха брачному чертогу».

Но конфликт с императорским двором вскоре опять разгорелся. Через несколько месяцев константинопольским префектом прямо напротив собора Святой Софии была установлена серебряная статуя Евдоксии на порфирной колонне (чего не удостаивалась до неё ни одна императрица) и устроены по этому поводу всенародные празднества. В ответ архиепископ произнёс в храме проповедь, в которой намекал, что видит в происходящем проявления язычества. После этого эпизода уязвлённая Евдоксия отказалась каким-либо образом общаться с одним из главных священнослужителей империи и ревностно следила за тем, чтобы контактов с ним не имел и её муж. Можно легко понять императрицу: она искренне считала (и совершенно обоснованно), что только что спасла Иоанна Златоуста от унижения и ссылки - и вот она благодарность! На следующий год ранней весной Аркадий запретил архиепископу служение в его церкви.

Состоялся новый собор, новый суд. Против Святителя было выдвинуто обвинение в самом факте его возвращения без отмены предыдущего соборного приговора. За это по четвёртому правилу Антиохийского собора следует лишение прав, если бы даже приговор был несправедлив. Епископы вторично осудили Иоанна Златоуста. 24 июня 404 года он снова был сослан, теперь уже на самую окраину империи в Армению.

Но надо отметить, что Иоанн Златоуст нередко упоминал о врагах своих, называя их нарушителями церковного мира, но никогда не приписывал своих бедствий собственно императрице.

Ссылка.

В день отправки арестанта в дальний путь через Малую Азию ему разрешили прощение с близкими людьми. При прощании он завещал друзьям быть покорным власти его преемника. Просил их лишь не подписываться под актами, его осуждающими. Народная толпа в это время осаждала здания, примыкающие к Святой Софии. Святителя потайными ходами вывели и увезли. Вскоре обманутые и озлобленные низы учинили месть. Неведомо кто подложил огонь под самую кафедру Софийского храма. И вся блестящая по тогдашнему времени базилика и соседние дворец и Сенат оказались объатыми пламенем, который не смогли остановить. Все было за три часа превращено в развалины. Погибло много античных украшений в Сенате.

Иоанн Златоуст обратился за помощью к Римскому Папе Иннокентию I. В Церкви возник раскол. Римский понтифик горячо заступился за опального архиепископа, пытаясь спасти его, и даже частично прервал общение с тремя патриаршими кафедрами на Востоке: Константинопольской, Александрийской и Антиохийской. Более того, раскол вышел за границы Церкви и принял уже политический характер: император Западной Римской империи Гонорий был недоволен отказом своего брата императора Аркадия Римскому папе по поводу судьбы Иоанна Златоуста и направил ему письмо, в котором упрекал Аркадия за преследования архиепископа.

Видимо, сам император Аркадий понял свою ошибку, но, поскольку дело обернулось таким образом, будто клирики желали защитить честь императрицы, и потому организовали судилище и ссылку, досталось той, кто едва ли имел к приговору хоть какое-то отношение. Невольно потакая тем, кто желал сделать императрицу крайней, император резко выговорил Евдоксии по этому поводу. Императрица тяжело переживала размолвку с мужем и ссылку Иоанна Златоуста и даже заболела. Она умерла в 406 году.

В дороге через Малую Азию струсившие местные епископы прятались, боясь оказать даже простую вежливость и помощь арестанту. Никто нигде, ни в Анкире (сейчас - Анкара), ни в Кесарии Каппадокийской (столица провинции Каппадокия), его не повидал и не помог избавиться от желудочных болей, которыми он страдал. Вот как он описывает своё бедственное состояние в письме к Феодоре:

«Между тем, несмотря на болезнь, я должен был ехать и день и ночь, томимый зноем, измощдаемый невозможностью заснуть, погибая от отсутствия самых необходимых предметов и недостатка людей, которые могли бы оказать помощь. Даже участь каторжников и острожников не так тяжела, как то, что мы вытерпели и до сих пор терпим.

Наконец-то уже и едва-едва добрался я до Кесарии, как мореход после бури в тихую пристань. Правда, пристань эта не в состоянии вознаградить зла, причиненного бурей: так предшествовавшее время сокрушило нас раз и навсегда! При всём том, прибыв в Кесарию, я несколько ожил, потому что пью здесь чистую воду, потому что ем не затхлый и не пересоший хлеб, потому что моюсь уже не в обломках бочек, а нашел баню, какая бы она там ни была, потому что, наконец, мне дозволили лечь в постель. Можно было бы рассказать и более этого, но, чтобы не обременить твою память, я ограничусь сказанным и прибавлю одно только, что ты должна своими упреками не давать покоя тем, кто нас любит, за то, что и при таком множестве приверженцев, несмотря на такую силу их, нам не оказали даже того снисхождения, какое оказывают преступникам, чтобы поселить нас в каком-нибудь более спокойном и близком месте, что, несмотря на расстроенное состояние нашего здоровья и на страх, навводимый там повсюду исаврийцами, нам отказали даже в этой скромной и ничего не стоящей милости».

Привезли Иоанна Златоуста в Кукуз, глухое селение в Малой Армении. Местное население, по преданию, дружественно и почётно отнеслось к гонимому Святителю. Да и местная администрация не пресекала потока писем к нему и из столицы и из родных антиохийских пределов. Однако жить здесь было достаточно опасно из-за постоянных набегов исаврийцев, (народа, жившего прежде в Малой Азии). Это положение Иоанн Златоуст описывал в письме к епископу Елпидию:

«Мы никак не можем установиться на одном месте, но живём то в Кукузе, то в Арависсе, то в каком-либо ущелье, или где-нибудь в пустыне: до такой степени всюду здесь царствуют смятение и тревога. Огонь и железо пожирают всё – и людей, и жилища; целые города истребляются окончательно вместе со всем народонаселением, и гонимые постоянно новыми и новыми тревожными слухами, мы каждый день переселяемся из одного места в другое, испытывая таким образом своего рода новый мучительный вид ссылочной жизни и ежедневно ожидая смерти. Даже запершись теперь в крепости, как в тюрьме, мы не можем быть совершенно спокойны, потому что исаврийцы смело нападают и на подобного рода места. К этому приключилась еще с нами жестокая болезнь, и хотя труднейший период её в настоящее время мы кое-как миновали, но следы её еще чувствуем. Наконец, все это время мы были как будто бы заключены на каком-нибудь острове, заброшенном среди непроходимого моря: так трудно было нам встретить приезжего откуда-либо; опасение этих ужасов загородило все дороги к нам».

Находясь в ссылке, Святитель старался укрепить своих последователей. В своих письмах (их сохранилось 245) епископам и друзьям он утешал страдающих, наставлял и поддерживал своих приверженцев. Всю зиму 406 года он был болезнью прикован к постели. Но враги не унимались. Переписка Иоанна Златоуста с папой и с епископами тревожила его константинопольских врагов. Они просили императора Аркадия убрать Иоанна Златоуста из Кукуз, ставших очень известными, и сослать в местечко более глухое и отдаленное. Из столицы пришёл приказ перевести его в глухой Пифиунт (ныне Пицунда в Абхазии).

Истощённый болезнями опальный архиепископ в сопровождении конвоя три месяца в дождь и зной совершал свой последний переход, подвергаясь издевательствам и жестокому обращению стражей. В Команах силы оставили его и со словами «Слава Богу за всё!» он скончался 14 сентября 407 года. Император Аркадий умер через год.

Святитель Иоанн Златоуст был погребён в Команах Понтийских, на территории современной Абхазии. В этом селении в течение 32 лет гроб с мощами Святителя находился в церкви святого мученика Василиска.

В 438 году при императоре Феодосии II по инициативе архиепископа Константинопольского Прокла останки Святителя Иоанна Златоуста были с почестями перенесены в Константинополь. Сам император, сын Аркадия и Евдоксии, публично попросил прощение за грехи своих родителей. Позже, в ходе Четвёртого крестового похода в 1204 году крестоносцы штурмом овладели византийской столицей и разграбили её, разрушив много храмов и убив множество православных христиан. Мощи Святителя были похищены и вывезены из Константинополя в Рим, и лишь 2004 году по решению папы Иоанна Павла II были возвращены Константинопольской Церкви и хранятся теперь в Соборе Святого Георгия в Стамбуле.

Где ещё почитать о Святителе Иоанне Златоусте в Интернете.

В. Асмус «Патрология. Курс лекций»	Документы различных областей
А. Амман «Путь отцов»	Электронная библиотека RuLit
А.Н. Бахметьева «Полная история христианской церкви»	Библиотека обучающей и информационной литературы
Бенедикт XVI «Отцы церкви. От Климента Римского до святого Августина»	Портал научной литературы
Ю. Белановский «Иоанн Златоуст — достойный пример столичным епископам»	Аргументы и факты
А.С. Балаховская «Житие св. Иоанна Златоуста» Псевдо-Георгия Александрийского.	CyberLeninka.ru
П.З. Белодед «Святитель Иоанн Златоуст»	Православная богословская энциклопедия
Блаженный Феодорит Кирский «Церковная история»	Восточная литература
Р. Брендле «Иоанн Златоуст. Проповедник, епископ, мученик»	Книжная полка семинариста
С. Брюн «Святитель Иоанн Златоуст»	Радио ВЕРА
А.М. Величко «История Византийских императоров»	Электронная библиотека ProfiLib
А.А. Васильев «История Византийской империи»	Gumilevica
Э. Гиббон «История упадка и крушения Римской империи»	Электронная библиотека e-libra.ru
А. Дворкин «Очерки по истории Вселенской Православной Церкви»	Церковно-научный центр "Православная энциклопедия"
К. Дешнер «Криминальная история христианства»	Scisne—сайт о науке, философии, религии и общественной жизни через призму скептического восприятия.
А. Десницкий «Обличитель Златоуст»	Журнал о православной жизни "Нескучный сад".
М. Дронов «Учитель пятнадцати веков»	Киевская Русь
А. Дудченко «Приключения главы Святителя Иоанна Златоуста»	Киевская Русь
В.М. Еремина «История Вселенской церкви с элементами агиологии»	Вера Михайловна Еремина
Палладий Еленопольский «О жизни Иоанна Златоуста»	Библиотека Якова Кротова
Протоиерей Евгений «Св. Иоанн Златоуст — о Церкви и власти»	Интернет Собор
М. Желтов «Иоанн Златоуст — редактор Божественной литургии»	Домовый храм святой мученицы Тагианы МГУ имени Ломоносова
А. Загуляев «Свт. Иоанн Златоуст: золото очищается огнем, душа — страданием»	Журнал о православной жизни "Нескучный сад"

Г.Л. Курбатов «Ранневизантийский город. Антиохия в IV веке»	Библиотека Якова Кротова
Е. Казенина «Святитель Иоанн Златоуст в документах истории»	Православие и мир
А.В. Карташов «Вселенские Соборы»	портал "Родон"
О.Н. Коротчук «Судьба служения свят. Иоанна Златоуста»	penuda.ru
И. Ю. Капитанникова «Духовная жизнь Константинополя и Антиохии глазами свт. Иоанна Златоуста»	Межвузовская ассоциация молодых историков-филологов
А.П. Лопухин «Жизнь и труды Святого Иоанна Златоуста»	Библиотека православного христианина
Лекции по патристике исторического факультета Смоленского государственного университета	Михаил Михайлович Казаков
И. Мейендорф «Введение в святоотеческое богословие»	Большая он-лайн библиотека e-Reading
А. Мень «Библиографический словарь»	Электронная библиотека RoyalLib.Com
А. Моисеенков «Слава Богу за все»	Православный журнал "Фома"
«Новый год с Иоанном Златоустом»	Богоявленский собор в Елохове
Г. Орлов «Церковь Христова. Рассказы из истории христианской Церкви»	Библиотека православной литературы
О. Орлова «Крестный путь Иоанна Златоуста»	Азбука веры
А.В. Петровский «Святитель Иоанн Златоуст и его литургия»	Православная богословская библиотека
И. Попов «Святой Иоанн Златоуст и его враги»	Православная электронная библиотека
Р. Румянцев «Слава Богу за всё (Где скончался святитель Иоанн Златоуст?)»	Иркутская епархия
Э. Ренан «Апостолы»	Библиотека Гумер - история Церкви
А. Рогозянский «Размышление в дни памяти Трех святителей»	Русская народная линия
Н.В. Сомин «Учение Св. Иоанна Златоуста и богатстве, бедности, собственности и милостыне»	Православный социализм как русская идея
Н. В. Сомин «Климент Александрийский и свт. Иоанн Златоуст: два взгляда на богатство и собственность»	Православное культурно-просветительское сообщество «Переправа»
К.Е. Скурат «Святые отцы и церковные писатели»	портал Refdb.ru
А. Сапрыкина «Святитель Иоанн Златоуст о семье и образовании детей»	Православие.Ru
Стюарт Дж. Холл «Учение и жизнь ранней церкви»	Электронная библиотека PROFILIB
Сократ Схоластик «Церковная история»	Азбука веры
Л. Сурова «Иоанн Златоуст — вселенский учитель»	Сайт Л. Суровой
Ермий Созомен «Церковная История»	Азбука веры

А.И. Соболевский «Иоанн Златоуст в русской письменности»	Православная богословская библиотека
Словарь по христианству. Иоанн Златоуст.	Авторский проект А. Колодина "Культура веры"
«Святитель Иоанн Златоуст»	Храм во имя святого Александра Невского
Святитель Дмитрий Ростовский «Житие святого отца нашего Иоанна Златоустого, патриарха Константинопольского»	Азбука веры
«Святитель Иоанн Златоуст»	Приход святой мученицы Татианы при Оренбургском государственном университете
«Святой Иоанн Златоуст»	Надо знать
«Традиция женского аскетизма и монашества на ранневизантийском востоке (Египет и Палестина)	Азь Вемь - православие и общество в мире
Н.Д. Тальберг «История Церкви»	Благовещание. Библиотека православного христианина.
«Трагедия свт. Иоанна Златоуста»	Тверская епархия
Г. Флоровский «Святитель Иоанн Златоуст как экзегет»	Православная книга
Г. Флоровский «Восточные отцы IV века»	Библиотека Якова Кротова
А.Р. Фокин, С. Войку, И. В. Пролыгина «Иоанн Златоуст»	Православная энциклопедия
Филарет (Гумилевский) «Историческое учение об отцах церкви»	Электронная библиотека Одинцовского благочиния
М. Хлынова «Элементы стоической философии в гомилиях Святителя Иоанна Златоуста «О статуях»	Московская духовная академия
В. Цыпин «Церковь в эпоху Святителя Иоанна Златоуста и Блаженного Августина»	Мгарский Спасо-Преображенский монастырь
С. Шестак «Символ веры, история догматов Христианской церкви». Иоанн Златоуст	Проза.ру
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона	перейти на страницу сайта

Произведения Святителя Иоанна Златоуста в Интернете

Православная библиотека	перейти на страницу сайта
Православный интернет-портал «Азбука веры»	перейти на страницу сайта
Православная электронная библиотека	перейти на страницу сайта
Библиотека «Святоотеческое наследие»	перейти на страницу сайта
Библиотека Альдебаран	перейти на страницу сайта
Библиотека Вера православная	перейти на страницу сайта
Православная библиотека «Золотой корабль»	перейти на страницу сайта
Электронная библиотека Royallib	перейти на страницу сайта
Библиотека Якова Кротова	перейти на страницу сайта

*Линкор "Иоанн Златоуст" на рейде Севастополя в 1911 г. Из архива Юрия Чернова.
Фото с tsushima.su*

